

Ирина Павлычева

Пётр — внук Петра

исторический роман

Ирина Павлычева

**Пётр – внук Петра.
Исторический роман**

«Издательские решения»

Павлычева И.

Пётр – внук Петра. Исторический роман / И. Павлычева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598073-1

Гремит на всю российскую столицу грандиозный праздник — помолвка юного императора Петра II с дочерью светлейшего князя Меншикова. Неужели многоопытный помощник Петра I не слышит в ударах литавр гром, что рокошет над его головой? Неужели не понимает, что эта помолвка может отправить его в изгнание?

ISBN 978-5-00-598073-1

© Павлычева И.
© Издательские решения

Содержание

И. ПАВЛЫЧЕВА	6
ПЕТР, ВНУК ПЕТРА	7
ГЛАВА I	8
ГЛАВА II	10
ГЛАВА III	12
ГЛАВА IV	15
ГЛАВА V	18
ГЛАВА VI	20
ГЛАВА VII	23
ГЛАВА VIII	25
ГЛАВА IX	28
ГЛАВА X	30
ГЛАВА XI	32
ГЛАВА XII	35
ГЛАВА XIII	37
ГЛАВА XIV	40
ГЛАВА XV	43
ГЛАВА XVI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пётр – внук Петра Исторический роман

Ирина Павлычева

© Ирина Павлычева, 2023

ISBN 978-5-0059-8073-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И. ПАВЛЫЧЕВА

ПЕТР, ВНУК ПЕТРА

РОМАН

ГЛАВА I

Отгремел, прямом смысле слова отгремел пушками, фанфарами, литаврами, фейерверками, на весь Санкт—Петербург отгремел праздник, вернее, торжество в честь помолвки старшей дочери Светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова Марии и императора Российского Петра II.

Гости разъехались, шум, музыка, оживление стихли, огни погасли, и город умиротворенно погрузился в сон.

Новоиспеченный нареченный тесть царя князь Меншиков лежал в своей постели и слушал тишину, и казалось ему, что в целом мире не спит он один. Успокоиться было нелегко. Как пришлось постараться! Сколько обсуждений, согласований! Еще накануне светлейший имел подробнейшую беседу с церковными иерархами, в ходе которой была окончательно утверждена церемония. Ее совершил Феофан Прокопович после молебствия и в присутствии всех членов Верховного тайного совета, Сената и Синода, а также генералитета и иностранных посланников. Потом шли поздравления обрученных и будущего тестя, затем развлечения, застолье... Силясь заснуть, Меншиков по старинной привычке перебирал в голове дела на следующий день и на ближайшее время с той разницей только, что, как правило, его хватало на минут—две, а тут пролетел не час и не два. С одной стороны, немудрено: судьба подарила такую честь, о которой он и мечтать не смел.

«Парадокс, но истинно. Поставил целью, – да, стремился, что есть мочи, – да, а мечтать, что так и выйдет не дерзал. Шутка ли без пяти минут тесть императора, причем, императора-ребенка. Двенадцать лет, нечто взрослый! Сколько в сем заключено! И власть безграничная, и несметное богатство, (хотя его и так не счесть), и ответственность, и работы непочатый край, а опасностей, сказать на каждом углу – ничего не сказать. – размышлял светлейший князь. С великими предосторожностями, чтобы не разбудить жену, он в сто первый раз перевернулся с боку на бок. – Объяснил бы мне кто, зачем мне все это. Вот опять!» – поймал себя на новой, совершенно не свойственной ему мысли светлейший.

В последнее время он сам себя пугал и сам себя отказывался понимать. Ему в голову постоянно лезла одна и та же мысль, вернее, фраза: «зачем мне это все?» Даже сегодня, когда помолвка состоялась, когда наступил полный триумф, она вдруг выскочила из какого—то закоулка сознания и давай вертеться в голове. Смешно признаться, но испортила удовольствие полностью.

«Да, отвлекся, – одернул себя Александр Данилович, – Значит, завтра же распоряжусь, чтобы мне подготовили чертежи и эскизы дворца для Петра. Велю не мудрствовать, задействовать имеющиеся наработки. Поставим его рядом с моим, пусть, пожалуй, даже сады смыкаются, после поглядим, разделять ли. Решено, остальное я определяю, когда с архитекторами говорить стану. Срок дам минимальный, буквально, дни. Чертежи фундамента и подвалов, пусть немедля предоставят, и сразу заложим. Пока Петрушу я перевезу к себе. Найду, как обосновать, как уговорить. Выделю ему его собственную половину. Утром прикажу готовить лучшие комнаты с видом на Неву. Он в деда, любит на воду, на корабли глядеть. У себя мне проще будет проследить, чтоб учился старательно. Пока я в силе и могу государственные дела вести, ему следует образование получить такое, чтоб ни один монарх в мире не мог с ним тягаться. Не поспею, учителей хоть откуда, за любые деньги выпишу... Господи, и зачем мне... – вот опять! Что—то у меня с головой не ладно, что ли? Спать давно пора, спать! Да разве поспишь! Здесь я Петрушу и от ненужных влияний лучше уберегу. Однако, чем уберегать, надежнее лишних начать удалять. Перво—наперво, займусь отправкой его тетушки Анны Петровны с мужем и двором в их Гольштинию. И срочно епископа Любского попрошу пожаловать. Надеюсь, удастся и Елизавету Петровну пристроить подале. А—то всех с ума свела.

Остальных бы пусть, да мой названный зятек который год на нее так засматривается, что у меня дух перехватывает, а ей хоть бы что, будто и невдомек... Ой, и зачем мне это, нет, право, зачем! Пресытился я и интригами, и властью, и могуществом, и богатством, больше не лезет! А остановиться не могу! Спать! Спать! Спать! От бессонницы бред в голове! Встать выпить зелья какого, что ли? Пожалуй, попробую тихонько, Дарья, на славу разоспалась, не обеспокою,» – прервал свои размышления Светлейший, прокрался к двери, выскользнул из спальни и побрел к шкафчику, где его жена хранит настойку от нервов и для сна.

Зная, что лекарство пьют каплями, Меншиков решил «не чикаться» и плюхнул себе с полрюмки, разбавил водой, сморщившись выпил, передернулся, прошелся несколько раз по комнате, полюбовался в окно на белую ночь и, решив, что начинает действовать направился на место.

Укладываясь снова в постель, он напомнил себе, что завтра с нареченным тестем – на охоту в Петергоф, поэтому выспаться просто необходимо и, действительно, быстро и крепко заснул, успев, правда подумать, «и зачем?..».

ГЛАВА II

Обосновать, согласовать и организовать переезд в свой дом императора Петра II (или Петруши, как князь мысленно называл юного царя) Меншикову удалось без помех и труда. Приближенные и родственники были слишком заняты своими переживаниями последних событий и не готовы были ни противостоять светлейшему, ни даже перечить. Очень поспособствовал двухнедельный выезд в летнюю резиденцию Петергоф. Юный царь страстно любивший, природу, охоту и приволье так увлеченно наслаждался каждым мгновением долгожданного удовольствия, что не вникал ни в какие обсуждения по поводу будущего. Ему дорого было настоящее и только им он жил. На что светлейший князь как раз и рассчитывал. Меншиков не жалел ни времени ни сил, чтобы доставить императору, как можно больше удовольствий. Ему казалось важным, чтобы юный монарх сразу после помолвки ощутил, как окрасилась, улучшилась его жизнь, чтобы в его сознании помолвка и дальнейшие любимые увеселения увязались воедино. Князь никогда не увлекался охотой, но ради большой цели шел на мелкие жертвы, – вместе с Петром он не единожды выезжал на псовую охоту. Разумеется, князь не бросал своих обязанностей и оставлял Петергоф то наведаться в собственную загородную резиденцию Ораниенбаум, то в Кронштадт для осмотра работ, вел и другие дела, но удовольствия императора эти две недели стояли для светлейшего на первом месте.

Остальное шло своим чередом. Переговоры с министром гоштытинского двора Бассевичем по поводу возвращения герцога Гольштынского с женой (старшей дочерью Петра I Анной) на родину продвигались гладко и скоро. В основном потому, что со смертью императрицы, став названным тестем императора, Меншиков мог позволить себе не скупиться. Он ещё давно прикинул, что отбытие Анны с супругом станет ему в копеечку. Но оплачивать сие мероприятие полностью из своего кармана светлейшему не хотелось. Дело терпело отлагательства, а сопротивление со многих сторон было значительным. Не желала сама Анна, ее отчаянно поддерживала Елизавета, почему—то постоянно скулили в уши императрицы наследник престола Петр и его сестра Наталья. Упирался Бассевич, сильно надеявшийся после частенько хворавшей Екатерины протолкнуть к трону Анну с ее супругом герцогом Гольштынским, сама императрица была не расположена и так далее, и так далее. Теперь картина изменилась. Анна после смерти матери пребывала в апатии, Петруша (император) отвлекся. Многим, коли Анна не вошла на престол вслед за матерью, ее судьба стала безразлична, а Бассевичу, чтобы не тянуть резину Меншиков пообещал миллион рублей сверх брачного контракта, и вопрос был решен. Миллион есть миллион.

Когда Анне сообщили о необходимости отъезда, она даже немного обрадовалась. Подсознательно она чувствовала, что перемена места поможет ей перенести утрату родителей. Елизавета отказывалась понимать сестру и требовала, чтобы та обратилась напрямую к императору, и сама была готова ходатайствовать перед ним за сестру.

– Ты же помнишь, Аннушка, – говорила она, – Он обещал нам помощь, и я уверена сдержит свое слово.

– Не кипятись, неумная! – вяло отвечала сестра. – Меня уговаривают. Ну проедусь я, развеюсь, да и вернусь. Нечто меня Петруша обратно не пустит.

– Не просто пустит, а за счастье почтет, – уверенно рассудила Елизавета.

– Ну вот. Бассевич и муж утверждают, что в Гольштынии сейчас требуется наше присутствие, стране нужно помочь... Дороги, новые места, меня право потянуло...

– Сходила бы лучше на богомолье, раз из дому тянет... – буркнула Елизавета, недовольная настроениями сестры. – Глядишь и от сердца бы отлегло, и ум прояснился.

– Ну не сердись, не сердись, что так дуешься—то?

– Ещё спрашиваешь! А я с кем останусь?

– Сама знаешь, что во—первых, ты тут не одна, во—вторых, окружена всеобщей любовью, а в—третьих, тебя скоро замуж выдадут, за епископа Любского (говорят, за твоим жениш-ком нарочных послали), да с ним к нам Гольштинию и приедете.

– Крутишь, сестрица, то, мол, прокачусь, да обратно вернусь, то, нате пожалуйста, уже я в Гольштинию поехала. А насчет Любского я сильно и долго думать буду.

– Неужели против матушкиной воли пойдешь? – не на шутку поразилась Анна.

– Почему против матушкиной воли? Она ведь не указала, что думать мне нельзя, и сроков не поставила. Может быть, я много лет, а то и всю жизнь думать буду, али собираться к венцу... – вывернулась Елизавета.

Анна восхищенно смотрела на сестру. “ Эко, как ловко рассудила, и не подкопаешься. Сроки, правда, в завещании матери не указаны откладывать не запрещено... Ай, да Лиза, как свежо, ясно мыслит. И откуда у нее берется?»

– Ты дивишь меня, Лиза! – только и проговорила Анна, обняла сестру и стала целовать её в голову в знак своего восторга.

– Не подлизывайся, Аня, я не одобряю твоего решения, хоть целый год чмокай без передышки, – заявила Елизавета и с достоинством удалилась.

Елизавета необыкновенно нуждалась сейчас общение. Если по смерти отца она стремилась к уединению, то после ухода матери, совсем не могла быть одна, поэтому внезапное и непоколебимое решение сестры больно кололо ее сердце. Кроме того, сборы шли угрожающе быстрыми темпами, и можно было опасаться, что будут завершены в три—четыре дня. Дороги после весеннего таянья просохли, дождей в ближайшее время не ожидалось, спешили, чтобы захватить благоприятный период. Елизавете не хотелось на прощанье ссориться с сестрой, но короткие, робкие и, увы, безуспешные попытки отговорить Анну она не оставляла. Союзников у нее не было. Убедившись в неотвратимости отъезда сестры, и не желая расставаться с ней в размолвке, Елизавета прекратила разговоры на эту тему и даже стала помогать со сборами.

Наконец, пришел страшный день разлуки. Даже спокойная до той поры Анна разволновалась и испугалась вдруг того, чего, казалось, с желанием ждала. А уж о Елизавете и говорить не приходится. Она бы, наверное, и совсем пала духом. Но большой умелец организовывать всевозможные церемонии и праздники светлейший князь Меншиков, сам того не зная и не стремясь, облегчил прощание сестрам. Он затеял торжественный отъезд старшей дочери императора Петра I с процессиями, барабанами, пушками и даже оркестрами, несмотря на траур, и, разумеется, костюмами, нарядами, украшениями и прочей мишурой, которая отвлекла сестер и тем самым смягчила удар.

Анна отбыла. За ней переехал в дом светлейшего император. У Меншикова и это вышло просто и органично. Когда пришло время царю возвращаться в Петербург, светлейший поведал ему, что его собственный дворец еще не готов. И прилично было бы до завершения постройки, которая идет полным ходом и максимально ускоренными темпами, поселиться в доме нареченного тестя, откуда удобно будет ежедневно и в любую минуту наблюдать за работами. При бдительном надзоре строительство протянется недолго и к осени можно надеется на переезд. К тому же в летние месяцы планируется как минимум еще один выезд в Петергоф и более длительный, так что жить вне собственного дома придется совсем коротко. Юный император от одной мысли, что ему предстоит возвращаться к учебе и императорским обязанностям в Петербург в лучшее время короткого северного лета впал в апатию и не сопротивился.

В зимнем дворце покойной императрицы Екатерины остались две великие княжны Елизавета Петровна и Наталья Алексеевна, если не считать их челяди численность, которой в связи со вступлением на престол Петра II, у обеих принцесс была сильно увеличена, если не сказать, преумножена. Елизавете, правда, было теперь пусто в доме.

ГЛАВА III

Император Всероссийский Петр II сидел за письменным столом, на новом месте, в своих личных покоях во дворце Меншикова и смотрел на Неву. Ему давно пора было приступить к урокам, но никак не получалось взять себя в руки. Прекрасное, весенне—летнее петербургское солнышко нежное, нежаркое щедро изливало свое сияние на реку, набережные, лодки и парусники, словом, не обделяло ничто и никого. Оно зазывно и настойчиво било в окна кабинета, в котором должен был трудиться, но пока лишь размягчено любовался видом царь. Петр страдал, ему страшно хотелось выбежать и хотя бы просто поноситься по берегам, а уж если бы покататься...

«Вашему Величеству нужно учиться, Вашему Величеству надо все знать!» – мысленно передразнил он светлейшего князя Меншикова, любимца и ближайшего помощника деда и бабушки, да с недавних пор его собственного нареченного тестя.

«Вестимо, надо, кто спорит! Но когда погода такая! Часто ли в Петербурге...» – думал дальше свою горькую думу двенадцатилетний монарх.

– Дозволите ль войти, Ваше Величество? – прервал его мысли голос первого воспитателя Андрея Ивановича Остермана.

– Входи, барон, – не поворачиваясь, будто не отрываясь от занятий, ответил Петр.

– Прошу простить великодушно, что помешал трудам вашим, – продолжал тот. – Я лишь заглянул осведомиться, не нужна ли в чем моя помощь, нет ли каких пожеланий у Вашего Величества?

«Пожелания—то у меня есть, но так я тебе и сказал, сейчас начнешь вторить светлейшему „учиться, учиться“!» – мелькнуло в голове у императора, вслух он произнес коротко, как бы не отвлекаясь от дела:

– Нет, Андрей Иванович.

– Могу ли я позволить себе посвятить сей день прочим государственным делам?

– Разумеется, если понадобится, я всегда могу за тобой послать, работай во славу отечества и не волнуйся обо мне, можешь хоть несколько дней сряду.

– Благодарю, Ваше Величество, что предоставляете мне такую свободу, но вы – не только моя главнейшая и первейшая, но и самая приятная и любимая обязанность...

– Если какие—то твои дела тебе неважно или не в удовольствие ты скажи мне прямо, барон, я сейчас велю их с тебя снять, – понял воспитателя в русле своих собственных настроений юный царь. «И правда, вечно на него столько наваливают, и в Верховном—то ему Тайном совете сидеть и там, и сям ...» – рассудил он про себя. – Правда, говори, хоть сей момент...

– Вы бесконечно добры и сострадательны к людям, Ваше Величество, – испугавшись, начал выкручиваться Остерман, которому любая из его должностей была дороже зеницы ока. – Ваши порывы облегчить долю ближнему, говорят об огромном благородстве и доброй христианской душе, но позвольте старику предостеречь вас. Недобросовестные и ленивые люди, кои встречаются иной раз, могут воспользоваться сим вашим блистательным качеством во зло. Что касается меня, то я готов и с радостью буду выполнять дела и обязанности вами на меня возложенные и только за честь почту, если вы и впредь будете задействовать меня для службы вам. Я служил вашему деду, вашей бабушке, и вы не погнушайтесь мной.

– Ладно, тогда ступай, – соскучившись выслушивать витиеватые речи Остермана,скомандовал Петр.

– Слушаю, Ваше Величество, – с поклоном ответил тот и побрел к карете в недоуменном состоянии, так как воспитанник сегодня повел себя, мягко выражаясь, не в свойственной ему манере.

Не прошло и двух минут, как двери снова распахнулись.

«Ну вот что—то забыл досказать. Пугну—ка его» – мелькнуло в голове у Петра.

– Барон, ты решил не давать мне заниматься сегодня! – недовольным тоном буркнул он и резко повернулся, чтобы посмотреть, какая гримаса получится у воспитателя от такой встречи.

Вместо ожидаемого он увидел перед собой хорошенькое—прехорошенькое, любимое—прелюбимое личико своей ненаглядной тетушки Елизаветы Петровны. На мгновение застыв от радости и восторга, он бросился к ней обнял и начал целовать.

– Петруша! Негодный! – наконец возмутилась она. – Я, кажется, предупреждала тебя, государь мой, что если ты будешь крепко и больно целоваться, я оттреплю тебя за уши!

И она ловко схватила Петра за ухо да так сильно, что он неподдельно закричал от боли:

– Лиза! Лизонька! Пусти! Пусти!

– То—то же!

Но лишь Елизавета ослабила пальцы, Петр снова обхватил ее и принялся целовать с прежней страстью, а когда она не без борьбы и усилий высвободилась, он ловко отскочил и бросился наутек. Какое—то время они кружили вокруг письменного стола. Елизавета всерьез была намерена поймать племянника, однако, скоро ее гнев отошел, и она прекратила беготню.

– Ладно, племянник, прощаю, – милостиво сказала она.

Петр приосанился:

– А я на тебя сердит, Лиза!

– На меня? За что, скажи на милость? – изумилась она.

– Ты совсем не уделяешь мне внимания!

– Извините, государь, но меня к вам не допускают. Не велят отвлекать от занятий науками и государственными делами.

– Ты правду говоришь, Лиза? Хотя, конечно, правду, сам знаю. Александр Данилович!

– Сегодня только и прорвались с Наташей, что его дома нет, а то бы сейчас отправил вон! – добавила Елизавета.

– И Наташа приехала?! Где она? – несказанно обрадовался Петр.

Легко поддавшийся настоянию своего нареченного тестя переехать в его дом, пока собственный новый императорский дворец ни будет построен, теперь Петр страшно раскаивался в этом и скучал без сестры, тетушки, да и без привычных старых стен.

– Там со своей подружкой Александрой Александровной на минутку задержалась, да с Марией Александровной, невестой твоей, – объявила Елизавета.

– Хорошо, что задержалась, я давно хотел с тобой одной поговорить.

– О чем? – действительно не догадывалась цесаревна.

– Что я сержусь на тебя.

– Снова! На своего Данилыча сердись!

– Данилыч – Данилычем... А вот мне еще не нравится, зачем ты столько внимания Бутурлину оказываешь! Как тебя ни встречу невзначай, Бутурлин с тобой!!!

– Бутурлин – мой камергер, человек – умный, я люблю с ним потолковать. К тому же я не просила его в камергеры, он твоим распоряжением ко мне назначен, потому что камергер мне по штату положен.

– А я не могу такого допустить! Не позволю!

– Сначала приставляешь его ко мне, теперь допустить не можешь! Чем тебе Бутурлин помешал? За что ты его вдруг невзлюбил? Не так давно хвалил... – недоумевала цесаревна, не придавая впрочем никакого значения разговору.

– Зачем ты меня мучаешь, Лиза? – последнюю фразу Петр произнес со столь явным отчаяньем в голосе, что цесаревна неподдельно удивилась:

– Голубчик мой, Петенька, что с тобой, что ты?! Как я тебя мучаю?

– Я вижу, все вижу! Ты несколько меня не любишь, Лиза!

– Боже правый! Вот ведь, какой ты у меня совсем маленький мальчик! Как тебе не стыдно такое говорить! Ты знаешь, что я тебя очень, очень люблю.

Елизавета была совершенно искреня. С отъездом родной сестры ближе племянника и племянницы у нее никого во всей России не было.

– А по совести, как перед Богом, можешь повторить, что любишь меня? – требовал Петр.

– Ещё бы, очень люблю, всем сердцем, мой милый. Ты говоришь, я мало с тобой бываю. А другие меня упрекают, что я с тобой, да с тобой, мешаю тебе. Что ни делаю, – не ладно, – пожаловалась Елизавета в свою очередь.

– А коли ты любишь меня и хочешь быть со мною, докажи! – наступал Петр.

– Как?

– Докажи, согласишься, согласишься стать моей женою... – бухнул император.

– Ах, какой вздор! Откуда у тебя такие мысли берутся? – не на шутку возмутилась тетушка.

– Почему вздор? – напирал влюбленный.

– Во—первых, ты забыл, что у тебя есть невеста. Я – твоя тетка и старше тебя. И потом, тебе рано думать о женитьбе!

– Во—первых, моя невеста тоже старше меня, потом, как же мне рано думать о женитьбе, если у меня есть невеста, в—третьих, ну её совсем. И, наконец, тетка – тетка, нашли слово, обрадовались! Разве тебе, такой красавице, такой молоденькой, такой, такой хорошенькой прилично быть теткой, какая ты мне тетка?

– Родная, да будет тебе известно, – сообщила та.

– Родная – только по дедушке, а по бабушке – вовсе не тетка! А невесту свою я не люблю, нисколько не люблю! – отчаянно препирался Петр.

– Потому, что она, как я, много старше тебя. Если бы я согласилась, ты бы и меня скоро разлюбил, – убеждала Елизавета.

– Ты!!! И она. Смешно даже сравнивать!!! Лиза, послушай, согласишься, я тебя умоляю! Я все буду для тебя делать, что ты только пожелаешь... или ты хочешь выйти за какого—нибудь немца, уехать и никогда не видеть ни нас, ни России? Как тетушка Анна? – запугивал Петр.

Цесаревна Анна, родная сестра Елизаветы, стараниями князя Меншикова лишь недавно была вынуждена последовать за своим мужем, герцогом Гольштинским на его родину. Пример был очень нагляден, свеж и страшен для Елизаветы.

– Вот уж – никогда! – горячо воспротивилась она. – Лучше совсем не пойду замуж! А ты – обрученный жених, и не к лицу тебе вести такие речи. Узнал бы Данилыч! Кроме того, с какой стати ты заявляешь, что Анна уехала навсегда?! Что это значит? Впервые слышу! И тише! Кажется, Наташа идет. Потом ответишь. Не будем при ней. Дай—ка, я лучше рассмотрю, чем ты тут занимаешься, – резко перевела разговор на другую тему великая княжна и начала ворошить бумаги на столе у притихшего монарха. – Так математика, геометрия, а как начертил—то! Я вот тебе добавлю.

– Не надо, Лиза, ты мне все путаешь, не разобраться будет!

Елизавета не слушала, она самозабвенно погрузилась в рисование, в коем занятии была большая искусница.

Тут—то и вошла великая княжна Наталья Алексеевна – родная сестра Петра II, лишь годом старше его. Петр сразу забыл про свои тетради.

ГЛАВА IV

– Наташа! Как я рад! – весело кричал Петр, бросаясь навстречу великой княжне Наталье Алексеевне.

– И я, Петруша!

Брат и сестра крепко обнялись. Они не привыкли жить порознь и ни на шутку соскучились.

– Как ты? Никак, плакал? – сыпала вопросами Наталья.

– Да, нет... Лиза... всё... – хотел было отмахнуться Петр, но у него ничего не вышло.

– Лиза, тетушка, за что ты его обижаешь? – моментально встала защиту брата—царя Наталья.

– Не называй, пожалуйста, её тетушкой! Какая она нам тётушка? Она – подруга наша, и всё! – поправил император.

Елизавета сочла за благо не обращать внимание на последние реплики племянников.

– А ну, погляди—ка, что я здесь тебе добавила. О! Цербер твой! – вместо ответа проговорила она.

Наталья немедленно полюбопытствовала.

– Ой, светлейший! Александр Данилыч! Ой, смешной—то какой! Лиза! Как у тебя получается?

Петр тоже стал заинтересованно разглядывать рисунок.

– Лиза, вот какая ты, всегда выдумываешь шутки всякие! – сначала одобрил он, потом вдруг испугался:

– Только, дай—ка, пусти, я сотру, а—то знаешь, если Александр Данилыч увидит, уж мне достанется!

Елизавета, заставив немного погоняться за собой, отдала рисунок.

– Ага! Боишься Данилыча своего! На – стирай!

– Конечно, сотру! Что, если б увидел, пожалуй, вас ко мне вовсе пускать бы не стали. – бормотал он, старательно работая резинкой.

– Ну, желала бы я знать, кто бы меня вовсе не пустил! Не боюсь я его! И вот вам Христос, что я ему, Церберу твоему, сегодня язык высунула. Видел – не видел, не знаю, а только высунула, – гордо объявила тетушка.

– Могла бы не божиться, я и так сразу поверила, – звонко рассмеявшись, сказала Наталья, потом вдруг резко посерьезнев, добавила, – только не знаю, хорошо ли это, как бы тебе за твои проделки худо не вышло.

Петр затревожился:

– Вот мы тут болтаем все подряд, а ведь нас могут подслушивать. Я не раз замечал, – подслушивают.

Елизавета вместо ответа тихо подкралась к двери и резко распахнула её.

– Никого!... Ну ладно, раз дверь открыла, пойду с твоей невестой, Петруша, побеседую, надо ей почтение оказать. Да, и вам, небось, посекретничать охота. Наташа, я у княжон буду, приходи за мной. И ты, племянничек, приходи, коли разрешат.

– Экая ты, Лиза! Давай, хоть поцелуемся на прощанье. – не переставал восхищаться всем, что б ни делала его любимая тетушка, император.

Та была строга:

– Только, смотри, чтоб мне опять тебя за уши не драть...

И, сама быстро чмокнув его, даже не позволив в плотную к себе подойти, со словами: «То—то же племянничек», выпорхнула за дверь.

– И не зови меня «племянником»! – крикнул вдогонку Петр.

И услышал ее удаляющийся голос:

– Да, государь, Ваше Величество, простите мне мою дерзость...

– Лиза!!! – укоризненно бросил он в сторону двери и повернулся к сестре.

– Я так рад тебе, Наташа! Я так скучаю без вас с Лизой! Почему вы не со мной живете! – воскликнул Петр.

– У Данилыча спроси. Я тоже тоскую без тебя, очень—очень. Ведь мы всегда вместе были, всегда одни...

– Нет, ну Лиза к нам постоянно приходила. – не вполне согласился брат.

– Тогда почти одни... – настаивала на своей версии Наталья.

Она при каждом удобном случае старалась подчеркнуть особую близость своего родства и своей судьбы с братом.

– Ты—то ещё счастливее меня, Наташа. Ты с Лизой живёшь. А я – с Цербером, да его семейством... – пожаловался тот.

Наталью разобрала обида, которую она не замедлила выплеснуть:

– Петруша, вот я к тебе пришла, а ты все Лиза, Лиза...

Петр был настолько поглощен Елизаветой, что не только не вслушался в то, что сказала ему сестра, но даже взора своего не был в состоянии отвести от двери, за которой скрылась его «мечта», поэтому ответил невпопад.

– Я, Наташа, сейчас, пока ты не пришла, предложил ей быть моей женой.

Наталью, как громом поразило. С одной стороны, ей сразу многое стало ясно в поведении брата в последнее время. «Он влюблен в Елизавету, как я раньше не догадывалась! Как он—то мне ничего не говорил. Хотя будто? Не догадывалась? Видела, видела!!! Только не хотела осознавать, не хотела допускать... Да и его, что ж винить, ведь сколько раз он давал мне понять, только я не хотела слышать, что он мне говорит, будто так можно было что—то исправить или что—то отвести... Да, да он не виноват, это она все! Как не стыдно маленьких увлекать! Нет, нет, опять, княжна, ты не права, хочешь свалить на кого—то вину!..» – быстро проносилось в голове у Наталии, а сама медленно произносила:

– Боже! Ведь у тебя есть невеста!

– Ах, Наташенька, друг мой, не напоминай! Я так мучаюсь, что и сказать не могу. Ты знаешь, ведь я совсем не люблю княжну Марию. Вернее, раньше совсем не любил... – решив быть искренним с сестрой, Петр уже ни в чем не запирался, не мог он больше сдерживать себя, ему необходимо было выговориться.

– А теперь? – по—прежнему непослушным языком выговорила сестра.

– Теперь, страшно сказать, я совсем – совсем её терпеть не могу и её, и её отца, и всех Меншиковых, – услышала она ответ.

– Господи! Петруша, как быть!

Свой вопрос Наталья обращала и к себе.

– Не знаю, – продолжал Петр. – Только взгляну на неё, мне сразу светлейший вспоминается. Честно говоря, я его боюсь, не умею с ним, робею. Последние дни он просто замучил меня своими уроками. Посмотри, какая погода славная, погулять хочется, по Неве покататься...

– Потерпи немного, – едва шевеля непослушными губами, автоматически реагировала сестра. – Уедем в Петергоф, он – в свой Ранбов, и будет у нас больше свободы...

Петр был готов схватиться за любую соломинку, и охотно пустился мечтать:

– Там мы вместе будем... и Лиза. С ней так хорошо.

– Петя, а что Лиза на твоё предложение ответила?

– Ты, Наташа, давеча, верно говорила – она смеётся надо мной. Я для неё – мальчик. Ей, видно, со мной скучно. Ушла. Ей с Бутурлиным интереснее.

– Бутурлин? Да, Бутурлин ей будто нравится. – задумчиво произнесла Наталья, не зная, правильный ли делает шаг.

– Не допущу, не вынесу! Я уничтожу Бутурлина! Сошлю! Не позволю над собой глумиться! – разошелся Петр.

– Братец, милый, успокойся. Сейчас Лиза ушла, чтобы дать нам вместе побыть. Разве тебе не хочется со мной вдвоем побыть? Мне очень—очень хотелось. Она, должно, и почувствовала... Что до Бутурлина... Как ты можешь с ним на одну доску становиться?! Вы не ровня! Оставь его в покое. Он не смеет над тобой смеяться! И не за что его ссылать. Ты должен быть справедливым. И Лиза тебя не стоит, – продолжала урезонивать брата Наталья. – Если она находит друзей, – пускай. Оставь её, успокойся. Держи себя так, чтобы тебя уважали. Ты — Государь!!!

– Ты права, снова права, Наташенька. Я так её любил, что больше и любить невозможно, но, если она меняет меня на всякого, я забуду её! Ты можешь радоваться. Ты боялась, что тебя из—за неё забуду, разлюблю. А я её забуду! Не хочу думать о ней. Ты только одна у меня осталась.

– Петруша, Петрушенька, успокойся! – обнимая брата, говорила Наталья.

Она была и рада, и опечалена. Было приятно, что получила желаемую реакцию, но горько, что надрывала брату душу. Петр стих. Они так и остались сидеть обнявшись в думах каждый о своем.

ГЛАВА V

Ничего не подозревающая Елизавета снова вошла в кабинет венценосного племянника. Перед ее взором открылась идиллическая картина: император сидел, бережно прижимая сестру к своему сердцу, грустно и мечтательно глядя вдаль.

– Вот они, голубки мои. Нежатся! А у меня радость чудная, и для вас приятная должна быть. Государь! Ваша тетушка Анна благополучно добралась до Киля! Более того есть серьезные основания подозревать, что у вас, ваше величество, месяцев через восемь – девять родится двоюродный брат...

С появлением Елизаветы у Петра всё: обиду, грусть, раздражение, – как рукой сняло.

– Лиза! Что ты говоришь?! Откуда знаешь? – радостно справлялся он.

– Мне прямо сюда известие принесли с нарочным, – был ответ.

– И ты уже, кажется, его полюбила? – немедленно пустился в ревность Петр.

Елизавета не упустила случая поймать его на неловко построенном вопросе:

– Кого? Нарочного?

Петр рассмеялся.

– Ну, Лиза, хитрая какая! Сама прекрасно понимаешь, что я про твоего будущего племянника.

– Вот смотри, Петя, сколько опять ты ошибок делаешь. Во—первых, ты должен был сказать не «твоего племянника», а «моего брата», во—вторых, кто сказал, что это будет мальчик...

– Ты! Ты! – перебил император.

– Отнюдь! Я сказала: «есть серьезные основания подозревать...». И в—третьих, твоя ошибка в том, что ты сразу же пустился в ревность, к младенцу, который ещё даже не появился на свет. Хотя, конечно, Петруша, я начинаю его любить почти, как тебя! Чтобы загладить свою вину перед не родившимся человечком и передо мной, государь, прикажи устроить праздник в честь радостного известия о том, что твоя тетушка Анна, возможно, подарит тебе еще одного близкого родственника, коих у тебя совсем не много, да и в честь того, что она со своим супругом благополучно добралась до места. Умоляю тебя! Пир – на весь мир мы устраивать не можем – траур! А вот маленький вечер – было бы замечательно. Наша с Анной покойная матушка, я думаю, одобряет это на небесах, иначе бы мне в голову не пришло. Только для самых близких, но с фейерверками, маскарадом... и, может быть, недолгими танцами.

Петр ничего не мог с собой поделать, он приходил в восторг практически от всего, что бы ни делала Елизавета, поэтому подхватил:

– С танцами, играми! До утра! Я думаю Меншиков не будет противиться. Повод – серьезный! Лиза, я тебе поручаю распланировать праздник, и представь мне проект сегодня же. Мы с Иваном его обсудим и дополним.

– Смотрите, пожалуйста! Иван! Опять Иван! Всё только Иван! А меня еще Бутурлиным укоряешь! Будет Иван, Долгорукий, мой план обсуждать!!! – нарочито возмутилась Елизавета.

– Лиза! Я Ивана люблю, и он меня любит. Но, если ты хочешь, одно твое слово, – и всем для тебя пожертвую. Хоть люблю Ивана, но и с ним расстанусь по твоему приказу, – последовала горячая реакция племянника.

Это было слишком, и цесаревна решила смягчить ситуацию:

– Нет, Иван, может, и правда, не плохой. Во всяком случае, думается, он тебя действительно любит... За одно это я готова простить ему, что он Долгорукий... К тому ж из всех них он, сдается мне, самый добрый... но негодяй и шалопай... не знаю..., но план мой, прошу, чтобы оценивал ты один.

Великая княжна Наталья тем временем все пронзительнее ощущала себя «всеми забытой и покинутой».

Петр, случайно бросивший взгляд в сторону сестры, с удивлением отметил, что она почему—то сделалась мрачновата.

– Наташа, а ты поможешь Лизе? – быстро нашелся он.

– Если мое участие потребуется...

Елизавета, тоже уловив изменение в Наташином настроении, охотно согласилась:

– Конечно, пойдем, Наташа, придумывать!

– Куда вы так сразу? – запротестовал Петр.

– Да, совсем забыла, там твой Данилыч вернулся. Небось, сюда сей момент явится. Ты садись, сделай вид, что трудишься, а мы лучше удалимся, чтоб ты с ним легче насчет праздника договорился. Мы у Марии с Александрой будем, – скороговоркой, на ходу сообщила Елизавета.

– Хорошо. А когда праздник—то назначать?

– Завтра, непременно завтра же! – пришел ответ уже из—за двери.

– Ну идите, идите тогда, – выразил запоздалое соизволение император.

ГЛАВА VI

Петр быстро сел за свой стол и попытался наскоро привести в порядок бумаги, что перерывала Елизавета, затем принять сосредоточенный, рабочий вид, но чувствовал, у него плохо получается. Он ловил себя на том, что ежесекундно с опаской поглядывает на дверь и досадовал на себя.

Вскоре скрипнул порог, но вошел отнюдь не тот, кого ожидал монарх, – а Иван Долго-рукий.

– Ваше Величество, вы позволите? – по форме обратился он.

– Иван, прекрати, ты прекрасно знаешь, что я тебе всегда рад, подойди.

Иван послушно приблизился.

– Сейчас сюда придет Меншиков, – зашептал Петр. – Пока говори, что у тебя, а лишь он явится, делай вид, что просто наблюдаешь, как я занимаюсь. Ну говори!

– Государь, к вам приходила депутация от петербургских каменщиков. На строительстве Петербурга они нажили большие деньги. И вот приветствуя твое восхождение на трон, движимые, как они говорят, благодарностью, а как я думаю, надеждой на будущее, преподнесли тебе на роскошном блюде девять тысяч червонцев. Я решил не отрывать тебя от занятий и принял их сам, – громогласно отчеканил камергер.

– И правильно, – одобрил монарх приглушенно.

– Что прикажешь с ними делать, государь? Отнести светлейшему?

Петр на минуту задумался.

– Нет, ну его! Знаешь, у меня сейчас сестра была, Наталья Алексеевна. И ушла, кажется, расстроенная. Понимаешь, Иван, мнит, что я её мало люблю, а я её очень люблю! Правда— правда! Вот я и думаю, блюдо оставь, а девять тысяч червонцев отнеси—ка ей от меня в подарок. Как, по—твоему, она довольна будет? – продолжал вести беседу пониженным голосом император.

– А то нет! – не усомнился Долгорукий.

– Ну, иди тогда, князь Иван, немедленно отнеси ей, она здесь должна быть, у княжон. Иди, пока Меншиков не объявился. – шипел Петр.

– Позвольте один вопрос, ваше величество?

– Господи, пожалуй, спрашивай!

– Как ваше здоровье ныне? – поинтересовался камергер.

– Вечно тебе надо дурить, Иван, – добродушно пожурил Петр, – ты ведь видишь, я здоров.

– И горло не болит? – уточнил князь.

– Полно тебе, какое горло, пустомеля! – проворчал юный царь, – что ты несешь? Что за фантазии!

– Помилуйте, ваше величество, какие фантазии? У вас совсем голоса нет. Вы то хрипеть, то шипеть изволите, а то и вовсе одними губами разговариваете. Меня и охватила тревога по поводу вашего самочувствия...

– Изволь прекратить свои шуточки, – слегка впрочем хохотнув, пристрожил Петр. – Я тебе сказал: сюда направляется светлейший, не хочу его в досаду вводить.

– Стоит ли только он такого повышенного вашего беспокойства, государь?

– Я поразмыслию над сим. А вам, князь, велю немедленно выполнить мое распоряжение, – скомандовал Петр, поняв, что иначе Иван допрыгается до того, что и сам получит разнос от Меншикова, и его поставит в неловкое положение.

– Слушаю, ваше величество! – отрапортовал тот и военным шагом, громко затопал к двери.

«Поди, вразуми его», – проворчал про себя Петр, не без удовольствия, однако, наблюдая за очередной незатейливой проделкой своего камергера.

Наконец, Иван удалился, и Петр, снова приняв вид прилежного ученика, продолжил разбирать погром на столе, поглядывая на дверь в ожидании Меншикова.

Вскоро дверь распахнулась, но вошел совсем не Александр Данилович, а Наталья Алексеевна, очень оживленная. За ней с небольшим отставанием вбежала и Елизавета.

– Наташа! Ты довольна? Хороши червонцы, да? – обрадованный веселым видом сестры, и истолковав его по—своему, встретил ее вопросом Петр.

Не дав Наталье заговорить, Елизавета выпалила:

– Государь! Мы твое повеление выполнили. Изволь принять работу!

– погоди, минуточку, Лиза, – попросила Наталья. – Ты про какие червонцы говоришь, Петруша?

– Про те, что тебе Иван принес.

– Я ни Ивана, ни червонцев не видела.

– Как так? Я велел ему немедленно отнести! – недоумевал Петр. – Где этот Иван?! Эй, кто там! Позвать ко мне Долгорукого, срочно! Я, Наташа, тебе в подарок девять тысяч червонцев послал. Хотел, чтобы ты поскорее порадовалась, а он где—то разгуливает!

– Мне? Целых девять тысяч? Спасибо. Вот спасибо, братец! Такой подарок, и так неожиданно! – неподдельно обрадовалась сестра.

– погоди благодарить, ведь подарок—то до тебя не дошел, – не ожидая такой бурной благодарности, смутился брат.

– Всё равно мне радостно, что ты подумал обо мне, – проговорила Наталья и бросилась целовать Петра.

– Нет, вы на них поглядите! Целый день целуются, а дело стоит. Ваше Величество, сделай милость, выслушай наш план, – делано проворчала тетюшка.

– Да, Петруша, наш план, – поддержала Наталья.

Их прервал голос Ивана Долгорукого:

– Вы звали, Ваше Величество?

– Где ты, негодный, ходишь? Почему до сих пор великой княжне мой подарок не вручил?!

– Не вел казнить, нету больше подарка, – с отчаяньем в голосе проговорил камергер.

– Прекрати, Иван, что ты еще выдумал?

– Я ничего не выдумал, государь, – скорбно утверждал тот.

– Говори толком.

– Понес я червонцы, как ты, государь, велел, к великой княжне. В дверях сталкиваюсь со светлейшим.

Тут Иван пустился изображать в лицах, что ему всегда удавалось на славу:

– Он мне: «Опять без дела, Иван?» Я: «Как раз наоборот, Ваша Светлость, исполняю поручение Императора.» Он: «Какое, позволь узнать?» – «Несу подарок Императора Великой Княжне.» – «Что за подарок?» – Объясняю. А он: «Император молод и не умеет распоряжаться деньгами, отнеси их мне.» – Я стою и не знаю, что мне делать. А он: «Что ты стоишь?! Неси червонцы ко мне, я тебе приказываю!!!» – Я и отнес... Пока... Хотел тебе доложить, да тут ты и сам меня позвал.

– Что же, наконец, такое?! На что же похоже! Я уже не могу своим добром распоряжаться?! Подарок сестре сделать! Нет, будь моя воля, я бы его далеко куда—нибудь упрятал, – не на шутку возмутился император.

– А разве у тебя нет своей воли, Государь? По—моему есть. Он только слуга твоему деду был и тебе только слуга, – вдруг высказалась Елизавета.

– Да, Петичка, когда была жива бабушка – другое дело, а теперь ведь ты сам – император. Сердце мое мается смотреть, как он мудрит тобою. Конечно, ты ещё не взрослый, – подхватила Наталья.

Но Петр ее перебил:

– Да взрослый я уже, взрослый... – закричал он, глядя на Елизавету.

Сестра, пропустив его восклицание мимо ушей, продолжала:

– Конечно, ты должен учиться и умных людей слушать...

– Но умных! – вставила Елизавета. – А Меншиков, как я погляжу, теперь из ума выживать стал. Или он воображает, что он сам – император, а не ты?

– Правильно, ах, как ты права, Лиза! Я говорила тебе, Петя, и повторяю; не верю я больше, что он нас любит и для нас старается. Мне не червонцев жаль, мне досадно, что он смеет твои, императора, приказания отменять. Ты говоришь: «нет у меня воли», а ты скажи: есть у меня воля, – и будет. Только на дурное её не клади. А Меншиков – нам обидчик, – завершила Наталья Алексеевна.

У обеих великих княжон были серьезные основания иметь зуб на светлейшего. У Елизаветы он отнял, или, как она мысленно выражалась: «сослал в Гольштинию» родную обожаемую сестру. А от Натальи «оторвал» брата.

Высказавшись, они начали было жалеть о том, что сорвалось у них с языка. С Петром случилось что—то невообразимое. Он весь побагровел и даже затрясся от гнева. Более того в какое—то мгновение по лицу у него пробежали судороги, на подобии тех, что бывали у его деда, Петра Великого, когда тот негодовал. Даже Иван посерьезнел. Все трое напряженно и с трепетом глядели на императора, не зная, чем разрешится эта сцена, и что им предпринять.

ГЛАВА VII

Грозная пауза затягивалась. Маленькая свита приближенных императора замерла в ожидании, растерянности и нерешительности. Вдруг Петр схватил сестру за руку.

– Пойдем, пойдем, Наташа. Я покажу, что я не ребёнок. Долго я терпел, но кончилось мое терпение, пойдем, я покажу ему! Или нет! Много ему чести, чтоб я за ним бегал. Иван, сходи, пожалуйста, вели Меншикову от моего имени сейчас здесь быть, – выпалил император.

Все облегченно выдохнули. Иван с глубоким поклоном смиренно отправился выполнять приказ.

Елизавета сочла за благо немного ослабить напряжение, в котором находился ее племянник.

– Петруша, ты кругом прав, – начала она. – Только, прежде, чем с ним говорить, успокойся немного. Такие дела с горяча не делаются. Остановись и подумай, как говорить с ним будешь. Прикинь, как он выкручиваться станет, ведь он – хитрый! Чуть ты зазеваешься, он и выскользнет у тебя из рук.

– Ничего, ничего! Вы сейчас посмотрите. Не уходите, будьте здесь. Сейчас, сейчас!

Сестра и тетушка видели, как Петр весь пылает от возмущения, нетерпения и раздражения. Он не давал им и слова вставить:

– Да где он застрял? Не идет! Так я его встречу!

И вдруг, к удивлению великих княжон, он бросился к двери, распахнул ее и опрометью выскочил из своего кабинета.

Лишь через несколько мгновений Елизавета рассмеялась, Наталья – за ней.

– Нет, ты погляди, Наташа, «будьте здесь... сейчас увидите... пусть он ко мне придет...», – и сам побежал. Нет, он – дитя!

– Разумеется, но не суди его, очень он разгневался.

– Я не сужу, Наташенька, сама такая, как разойдусь, никому не остановить! А знаешь, Наташа, если Бог даст, Петруша наш будет похож на деда, у него характер – то сильный. Давеча он говорил, а мне временами батюшка вспоминался. А тебе?

– И мне, – согласилась Наталья.

Отсмеявшись, обе задумались и молчком стали ждать, что теперь из всего этого получится.

Наконец, влетел Петр. Он был по–прежнему сильно возбужден, но теперь радостно.

– Вот так, дело! Решено! Червонцы, Наташа, светлейший тебе сию минуту пришлет. Праздник завтра состоится.

Поднялась буря эмоций. Все трое были в восторге. Им казалось, что они радуются тому, что будет праздник и тому, что Наташа получит свой подарок, на самом деле, каждый из них в глубине души радовался, что, оказывается, светлейшего, действительно, можно заставить поступать не только его собственному усмотрению. Хоть они это и утверждали, они были далеки от того, чтобы верить собственным словам. Сумбур их эмоций приостановил Иван Долгорукий, который явился в дверях и церемонно спросил:

– Ваше величество, дозволейте войти?

– Входи, Иван, – между делом дал позволение Петр.

Иван, сохраняя полную серьезность, приблизился к великой княжне Наталье.

– Ваше высочество, государь император наш повелел мне от его имени поднести вам в подарок девять тысяч червонцев, – официально и торжественно без тени иронии или шутки произнес он, хлопнул в ладоши, и лакеи внесли явно увесистый узел. – Куда изволите приказать их положить?

За сестру ответил Петр:

– Пусть доставят к великой княжне в её покои.

Лакеи вышли, и только тут Наталья отмерла:

– Ах, Петруша, вот спасибо, так спасибо.

– Я рад, зело рад, Наташенька, что ты довольна. Как оденемся на маскарад? Давайте договоримся! – побыстрее перевел разговор Петр, ему не хотелось заставлять сестру изливаться в благодарностях, да и неловко было их выслушивать.

– Тебе, государь, мы предлагаем быть Аполлоном. Ивану – Марсом... – начала докладывать Елизавета.

– Наташеньке Минервой, – подхватил Петр. – Ты согласна, Наташенька?

– Если на то твоя воля, я перечить на стану, – отозвалась она.

– Быть тебе Минервой! Ты как есть Минерва, милая моя Минерва! А ты, Лиза?

– А я не скажу, кем я буду, – секрет.

– А княжнам Меншиковым, кем быть? – интересовался император.

– Ой, да ну их, пусть, кем хотят, – проговорила Елизавета.

– Любопытно, как оденется моя невеста? Напрасно, если богиней. На таких богинь древние молиться не стали бы.

– Петруша, мы тебе тут все написали, посмотри на досуге, если одобришь, отдай в исполнение. Наташенька, нам пора бы домой отправляться, готовиться надо! – заторопилась тетушка.

– Да, Петруша, мы пойдем, пожалуй. До свидания. Какой ты у нас молодец! – целуя брата, сказала Наталья.

– Лиза, и тебя дай поцеловать. – переводя взгляд на то место, где стояла Елизавета, сказал Петр, но та была уже в дверях и бурно посылала ему воздушные поцелуи, а, когда он двинулся к ней, быстро скрылась.

ГЛАВА VIII

Меншикову давно было ни по себе. Он не мог доискаться причины, но его ничто не радовало, ничто не вдохновляло, делал только, что необходимо и—то заставлял себя из—под палки. Он снова и снова перебирал в голове события, людей, ситуации, разговоры в надежде найти, что же его расстраивает. Однако, все было не только, и не просто в порядке, а лучше не придумаешь. Да, были моменты, которые чуть тревожили, но они и в сравнение не шли переплетами, в которых ему приходилось бывать! И ни разу не падал духом. А тут, считай, триумфатор, – и пожалуйста, – упадок сил и настроения.

«Так, придется выправить и мелочи, начнем по порядку. С Петрушей я разобрался, он остался доволен, надо будет ещё его побаловать, умиротворить, подыграть малышу и знаю, как. Положим на ум и успокоимся, – рассуждал мысленно светлейший. – Теперь Остерман, стал он мне что—то подозрителен, боюсь, зря я на него так полагаюсь, считаю своим ставленником при императоре, противовесом Долгоруким. Кое—какие детали наводят на мысль, что он двурушничает и давненько. Сие тоже легко поправимо. Даже если ошибаюсь, не беда, надо немного его заблокировать, до выяснения обстоятельств. Есть. Дальше. Долгорукие. Федор Долгорукий. Ох, уж мне Долгорукие эти! Постоянно с ними возня! Не нравятся мне гляделки Федора с Марией! Откуда что взялось? А женушка моя, Даря—то что? Покрывает их, что ли? Господи помилуй, что только в голову не придет! Незамысловатое, однако, дело, пойду—ка я к ней, и разберемся.»

Меншиков направился на половину жены. Не хотелось ему заниматься пустяками. И на самом деле он знал, к чему ему по—настоящему тянуло. Ему мечталось поскорей поехать в свой Ораниенбаум заканчивать дом и церковь, погрузиться в стройку полностью, с душой, выписать певчих, подобрать священника, сам не знал, почему, но страшно его влекло туда.

«Сколь я знаю Петрушу, – вернулся он мыслями к императору, – ему тоже хочется на природу, в Петергоф. Вот и есть у меня возможность ему доставить радость. Через пару, другую деньков объявлю ему о скором переезде в летнюю резиденцию и отмене занятий. Чуть—чуть только подобрать нужно крохи оставшихся дел, да получше разогнать строительство его здешнего дворца,» – прикидывал Меншиков, бредя по своему дворцу к Дарье Михайловне.

Разумеется, он мог за ней послать, но ему хотелось, чтобы их общение сразу приняло мягкий, доверительный, семейный характер, потому и шел сам.

– Здравствуй, мой свет, на долгие лета, – приветствовал он жену, мягко приоткрывая дверь в ее комнату.

– Князюшка, душа моя! – обрадовалась она, – Здравствуй, здравствуй и ты!

Дарья Михайловна знала, что в это время дня Меншиков крайне редко отрывается от работы и тем реже уделяет внимание ей и семье. Поэтому она ни на минуту не усомнилась, что мужа привело дело.

– Как делишки, как детишки? – продолжал создавать располагающую, душевную атмосферу светлейший.

– Слава Богу, Александр Данилыч, слава Богу! – умиротворенно отвечала супруга.

– Воистину слава Богу, – поддержал светлейший.

Меншиков видел, что жена ждет, хочет узнать, с чем он пришел, но торопиться был не намерен. Он мог припомнить не один случай, когда жена, вдруг разобидевшись, что он только по делу заглядывает к ней, могла заупрямиться и не дать ему необходимых сведений. Что далеко ходить, во время обручения Марии и Петра он приступал к Дарье с вопросом, который и сегодня его привел к ней. Именно на обручении его особенно смутила неразлучность взглядов старшей дочери и Федора Долгорукого. Он и прежде замечал, но тогда... Что же на высказанное им недоумение ответила Дарья?... Ничего! Поиграла в непонимание, поводила

за нос и отошла... Теперь Меншиков положил все четко для себя уяснить, поэтому был готов потратить время столько, сколько потребуется.

– Княгинюшка, а я, как всегда, к тебе за помощью, – признался Меншиков, решив, что пора.

– Вот как? – с неопределенной интонацией произнесла она.

«Тьфу ты, неужто поторопился?!» – подсадовал мысленно светлейший, но отступить было некуда, поэтому он продолжал:

– Да, ангел мой, да. Ты и сама ведаешь, что без твоей поддержки, подсказки мне не разобратся бывает... – бормотал светлейший, следя за выражением лица жены.

Она смиростивилась и перебила:

– Полно, Данилыч, говори, что у тебя за пазухой!

– Душа моя, ты мне не объяснила давеча, что за игры глазами ведут Мария с Федором...

– Ах, вот ты про что! – снова не дав закончить фразу, воскликнула Дарья Михайловна.

– Да, не скрою, у меня их «гляделки» не идут из ума, – пожаловался Меншиков.

– Не буду темнить, Данилыч, у меня тоже, – последовал неожиданный ответ.

– Господи, матушка, а я чаял, ты мне все объяснишь, успокоишь, – продолжал подначивать князь.

– Началось у них это давно, дай Бог памяти, кажется, на свадьбе Анны Петровны. Федор тогда едва приехал в Петербург.

– За каким рожном его сюда принесло!!? – вырвалось у Меншикова.

– Надо полагать, дядя его сюда выписали, мало ли Алексей Григорьевич с Василием Лукичом в ту пору стянули сюда своих родственников, да свойственников, дабы иметь подмогу в противостоянии с тобой, когда ты Екатерину на трон ставил... Он сильно припоздал, но прибыл...

– Верно, верно, продолжай про Марию—то, – направлял разговор Меншиков.

– Вот, попервости, я никакого значения не придавала, ведь тогда Мария крепко в своего первого жениха Петра Сапегу была влюблена. Ты велел ее от него отводить, так я, грешным делом, и подумала пушай замечает, что и другие молодцы на свете есть, которым она интересна...

– Ну! – поторапливал светлейший.

– Так все, – прозвучал ничего не разъяснивший ответ.

– Как все? – изумился Меншиков.

– Очень просто, больше ничего не происходит. Они лишь глядят друг на друга, когда бывают в одном месте в один час, правда, все упоеннее, иной раз думается, что, кроме друг друга, они никого и не видят.

– Надо понимать люблены? – поставил вопрос ребром светлейший.

– Иначе не истолковать, – раздумчиво проговорила жена.

– Не к стати, не к стати... – бурчал князь.

– Пожалуй... – согласилась Дарья Михайловна.

– Сошлю его! – решил светлейший.

– Как, зачем, за что? – последовали вопросы.

– Не то чтобы сошлю, дам поручение... на Кавказ... – прикидывал Меншиков вслух.

– Как бы хуже не вышло... – обеспокоилась княгиня.

– Надо же как—то прекратить их «гляделки»! Неприлично царевой невесте—то... сама понимаешь... Поди многие подметили? – волновался князь.

– А хоть бы и так, самому—то Петруше безразлично, – княгиня, как и муж, за глаза называла императора «Петрушей» по старой привычке.

– Ладно, с Федором я поразмыслю, и ты подумай, пойду, пожалуй, с твоего позволения, – поднялся князь.

– Ступай, ступай, только не горячись, – уговаривала Меншикова, провожая супруга к дверям.

Меншиков вышел полный решимости и намерения действовать, но не успел он пройти и пяти шагов, как его снова настигла неотступная и привычная уже фраза: «Господи, и зачем мне это все нужно...».

ГЛАВА IX

Не нравился княгине Меншиковой последнее время ее светлейший. Она видела, что он не—то обмяк, не—то рассеялся, не—то обессилел. Дарья Михайловна даже не могла охарактеризовать его настроение и состояние. Это было что—то неведомое ей, не знакомое, таким она «своего Данилыча» никогда раньше не знала. Она ощущала растерянность, потому что не ведала, как к нему и подступиться, чем помочь. Совсем недавно она была уверена, что совладать с Данилычем всегда сумеет, знает все нюансы его души, все черты и черточки его характера, ан, – нет. Она делала неоднократные попытки пробиться к нему, выяснить, что с ним, но каждый раз натывалась на непроходимую стену. Наконец, она заподозрила, что муж и сам не понимает, что с ним творится, что ее не слишком успокоило.

«Не к болезни ли?» – пугалась она.

И последним разговором она осталась огорчена. Все, что он сказал, вернее, как он сказал, было незнакомо, нетипично, непохоже на светлейшего, которого она знала, страшно подумать, сколько лет!

Помимо непосредственно самого князя, Дарью Михайловну тревожила и обстановка вокруг них. Да, их вечно окружали завистники и недоброжелатели, но были и опоры, да еще какие! Сам Петр Великий! Екатерина! Были и союзники. Теперь, остались одни враги, даже временных единомышленников нет. Обручение Марии с царем не только ни от чего не защищает, а наоборот, плодит противников, пуще разжигает их ненависть. А Данилычу, как шоры на глаза надели! Он явно не строит никакой обороны. Прямо, будто ему хочется на рожон лезть.

«А дети еще маленькие», – подумала княгиня, и они явились тут как тут, пришли довольные и радостно оживленные, особенно, Саша и Саша, сообщать о назначенном на следующий день маскараде.

«Ну вот, а Данилыч мне ничего не сказал, а раньше бы задал целую программу действий, разработал бы стратегию и тактику для семьи в целом и для каждого в отдельности», – опять с холодком в душе подумала княгиня.

Затем она встрепенулась, собралась и стала вслушиваться в то, что говорили дети. Они сыпали вопросами.

– Что же вы молчите, матушка, не хотите посоветовать, как нам наряжаться! – теребила Александра.

– Отчего не хочу? Сейчас, сейчас придумаем. Принцесса Елизавета, говорите, затеяла бал сей? Тогда я полагаю, вам лучше выбрать кого—нибудь из античных богов, сколь я знаю, Елизавета Петровна последнее время много изучает мифы и любит их.

– Но кого нам выбрать из них для себя, – спросил сын.

Дарья Михайловна внимательно посмотрела на него. От предвкушения праздника он разрозвелся, волосы его распушились и пошли легкими кольцами, глаза горели.

– Почему бы тебе не стать Купидоном, Амуром. Елизавета Петровна, наверное, будет Венерой. Ты любишь при ней быть. Амур – сын Венеры, будешь иметь полное право неотступно следовать за ней, – без всякой, впрочем иронии или издевки предложила светлейшая княгиня.

– Ну нет, матушка! – последовал горячий протест, – Не буду отпираться, я люблю с великой княжной побеседовать, но быть ее «сыном» – никогда! Сами посудите, коли на то пошло, я ей больше в мужья гоюсь!

«Ах ты, Боже мой! – думала княгиня, улыбаясь сыну. – Знал бы ты, малыш, что твой отец и такой вариант имеет ввиду, правда, последнее время, слава Богу, притих на сей счет.»

Вслух она уважительно произнесла:

– Воля твоя, князь, коли тебе не по душе, разве кто станет тебя неволить, помилуй! Разумеется, придумаем другое.

И все четверо углубились в подготовку костюмов.

Княжна Мария совсем не интересовалась бы предстоящим праздником, если бы у нее не возникла надежда, что каким—нибудь чудом там окажется Федор. Если умом рассуждать, этого не должно было случиться, но Марии хотелось надеяться, они так давно не виделись с Федором. Крошечная возможность встречи окрасила жизнь государевой невесты. И она с таким упоением взялась за подготовку, что даже напугала Дарью Михайловну, которая давненько не видела «свою старшенькую» в счастливом возбуждении.

«С чего бы она столь разошлась? – размышляла княгиня, поглаживая на Марию. – Не лихорадка ли у нее начинается? – но сразу себя одернула. – Нет, княгиня, скорее с вами что—то не в порядке. Позволительно ли всего пугаться и все видеть в черном свете?!»

ГЛАВА X

Князя Долгорукие, особенно и в частности, Алексей Григорьевич (второй воспитатель царя) и Василий Лукич, его кузен и член Верховного тайного совета не сидели сложа руки. Они ни на минуту не забывали о своем намерении оттеснить князя Меншикова от юного царя. Особенно горячо, старался Алексей Григорьевич. Внешне покорное поведение Долгоруких и при смене власти, и в первые недели после вступления на трон Петра II, и при подготовке обручения императора с княжной Меншиковой и во время него дало свои плоды. Меншиков сохранил за князем Алексеем должность второго воспитателя царя. Правда, перевел Петра жить к себе и имел пред своими ясными очами все, чтобы не происходило с его венценосным названным зятем, или сыном, как предпочитал выражаться сам светлейший, но иметь право в любой день общаться с Петром было неоценимо для Алексея Григорьевича. Большие надежды он по—прежнему возлагал на своего сына Ивана, любимца и лучшего друга императора, недавно получившего звание камергера. С сыном совладать было не просто, но время от времени от него можно было получить серьезную и надежную помощь, даже без его участия или желания.

Прознав из проговорки Ивана, что во дворце Меншикова планируется маскарад, князь Алексей немедленно приступил к сыну. Как обычно, он начал с того, что стал укорять камергера царя в сыновней неблагодарности и в нерадении за семью. Потом потребовал, чтобы «хоть единожды» Иван постарался для сестер. Не понимая, с чего батюшка во гнев вошел, и что опять от него надо, Иван взмолился:

– Господи, батюшка, да чего вы от меня хотите?

– Того, чтобы ты хоть немного думал о ближних! – продолжал «артподготовку» Алексей Григорьевич.

– Хорошо, поставим вопрос иначе, – с трудом удерживая себя в равновесии, продолжал дознаваться Иван. – Что я должен сделать, чтобы вы, батюшка поверили, что я, как добрый христианин, неизменно думаю о ближних.

– Как же! – атаковал отец. – Если бы ты, сын мой, думал о своих сестрах или хотя бы изредка вспоминал, что они у тебя есть. Ты бы и сам догадался испросить у царя, чтобы они были приглашены на завтрашний маскарад!

– Только и всего? – даже обрадовался Иван, потому что ожидал, что его обяжут делать что—нибудь более сложное или противное его совести. – И что бы вам, батюшка, не сказать попросту! Правда, праздник замышлен, как узко семейный, но я готов ходатайствовать перед императором за своих сестер.

– Вишь, ты какой! – не унимался отец. – Готов просить и все дела! А как откажет?! Другой бы добрый сын и брат сказал: «кровь из носу, а приглашение вымолю!» Ты же «готов просить...» и только!

– Ладно, батюшка, хотите «кровь из носу» будет вам «кровь из носу», – рывкнул Иван и, резко развернувшись, вышел.

– Видали, какие мы горячие! – кивая головой в сторону ушедшего сына, сказал Алексей Григорьевич своей жене, появившейся из внутренних покоев. – Слыхала? Небось опять станешь защищать?

– А то как же, свет мой, всенепременно... – отвечала княгиня, которая не очень—то побаивалась своего мужа. – Потому как ты, батюшка мой, кругом не прав. Скажу более, сам себе и своему делу – враг. Если ты и впредь будешь так с сыном обращаться, ты его совсем от дома отведешь, причем, потеряешь не только сына, но и... да что там, сам знаешь... Только забываешь или помнишь не хочешь, что сын твой сейчас, почитай, куда выше тебя стоит.

– Ну, как сказать... – начал вяло протестовать князь Алексей.

– Да и говорить нечего... – прервала княгиня. – Дивлюсь его долготерпению и сыновней любви, другой бы давно тебя отослал в дальние имения, чтобы каждый Божий день не иметь от тебя нотаций и скандалов.

– Эка, завернула! – не зло огрызнулся Алексей Григорьевич, надеясь, закрыть тему.

– Отнюдь, сам понимаешь, что если бы Иван, хоть раз, хоть вскользь на тебя посетовал при императоре, давно бы ты охотился у себя под Москвой. Или ты полагаешь, что светлейший князь Меншиков, станет противиться воле императора, коли тот выразит желание сменить тебя на посту? Однако, что толковать... Пойду велю готовить маскарадные костюмы для дочерей, сколь я понимаю, им скоро от императора приглашения пришлют, а времени на подготовку кот наплакал, – неожиданно закончила княгиня и плавно вышла.

Алексей Григорьевич счел за благо промолчать и не удерживать жену.

ГЛАВА XI

У князя Алексея были крупные и далеко идущие намерения относительно своих чад. Он видел, а ещё больше надеялся, что у императора и Марии Меншиковой до венчания дело не дойдет. Он знал, что кроме светлейшего, никто, даже его собственные домашние, того не желают, а тем паче сама государева невеста, которая, как подозревал Алексей Григорьевич, влюблена в его племянника Федора. План князя был незамысловат и неоригинален. Он положил повторить подвиг Меншикова, а именно Марию Меншикову заменить на свою дочь Екатерину. Тут неоценимую поддержку должен был оказать Иван. И Алексей Григорьевич уже вовсю задействовал его, надеясь, как можно дольше, не посвящать в свои планы. Вслепую Иван помогал хорошо, а вот захочет ли, узнав о намерениях отца, – большой вопрос. Князь Алексей даже был уверен, что нет, ибо с удивлением наблюдал, как, такой холодный и отстраненный в семье, Иван горячо любит императора, причем, совершенно искренне и бескорыстно. Жалеет и бережет его, как собственного меньшого брата, вернее, во много крат больше. Не знала до поры ничего о планах отца и старшая дочь, на которую делалась ставка, сверх того, недавно Алексей Григорьевич убедился, что она отчаянно увлечена секретарем австрийского посольства юным графом Милезимо.

«И что она в нем нашла, – недоумевал князь Алексей, всякий раз, когда видел их рядом. – Она – красивая, статная, высокая, а он хлипкий, жидкий, низкорослый, разве чуток повыше ее будет. Ну, сносно танцует, красиво держится, а так – сверчок сверчком и знал бы свой шесток, так нет, едва ли ни лучшую русскую княжну выбрал, да каких кровей! Одно хорошо такого шугануть будет не сложно, а вот, как ее, своенравную, в нужное русло направить?»

В поисках ответа Алексею Григорьевичу пришлось поставить в известность о своих намерениях жену. Та честно и прямо заявила, что не в восторге от его выдумки, помогать ему не намерена, но и мешать не станет. А закончила свою тираду так:

– А чтобы тебя, душа моя, совсем в досаду не ввести и ради того, чтобы ты обиду на меня не держал, дам тебе ключик к сердцу нашей Екатерины: она, грешным делом, тщеславна, сильно тщеславна, самолюбива и горда. И к Милезимо привязалась, в благодарность за то, что он на нее свой взор обратил в то время, как остальные, почитай, все, кроме нашего Федора Долгорукого, от Елизаветы без ума. Если выставишь так, что она Петра (царь ведь явно слабость к цесаревне питает) у великой княжны отбила, да императрицей станет, – твоя возьмет. Хочешь брать грех на душу, запретить тебе не могу, а сама лучше буду молиться, чтобы Бог помог нашей дочери справиться с ее пороками, иначе они ее до добра не доведут. И ты бы лучше делал то же, чем вводить дочь в искушение.

Князь Алексей ответил жене уклончиво:

– Должен укорить тебя, благоверная моя, что так явственно видишь пороки в собственной дочери, а, стало быть, мало любишь ее.

– Очень люблю, потому они мне глаза и колют, и покоя не дают, – горько проговорила жена, и у нее навернулись слезы.

– Полно, полно, – прервал разговор Алексей Григорьевич. – Уж очи на мокром месте. Не о чем плакать, княгиня, у нас прекрасные дети, которые дарят нам много радости.

Тогда он верил в то, что говорил. Да и теперь он не меньше надеялся, что через Ивана и Екатерину проберется к самым вершинам власти и богатства.

На предстоящий маскарад Алексей Григорьевич возлагал не шуточные надежды. Он, полагал изловчиться через Ивана спровоцировать императора уделить Екатерине, хотя бы один танец, несмотря на присутствие Елизаветы. «Когда—то нужно начинать, а это могло бы стать прекрасным первым шагом», – решил он.

Хотя ещё не прибыл нарочный с приглашением для княжон, по дому уже забежали белошвейки, горничные, остальная прислуга. Несколько лакеев были отряжены в лавки, подготовка шла полным ходом.

Стали появляться и с визитами. Первым приехал Федор Долгорукий. Последние несколько дней он неумолимо мотался по Санкт—Петербургу в надежде найти возможность встречи с любимой или случайно наткнуться где—нибудь на нее. Труды его были тщетны. Мария не появлялась.

«Не прознал ли что Меншиков, не стережет ли Марию,» – постоянно холодила душу Федора жуткая мысль.

Он был недалек от истины. Меншиков не то что запер Марию, он просто незаметно, исподволь изменил режим детей, предлагал им поезди и приличные для траура развлечения, новые и нетипичные, что младших радовало и интересовало, а Марию немного досадовало, но она не подозревала, что так ее удерживают от «гляделок» с Федором, поэтому терпеливо составляла компанию младшим. Они то ехали посмотреть на закладку нового фрегата, то, гуляя в саду, были приглашены наблюдать за строительством нового императорского дворца. Словом, дела и развлечения чередовались и возникали новые и новые, зато в привычные места вырваться не удавалось.

Приехав в дом Алексея Григорьевича и услышав новость о маскараде, Федор сразу решил, несмотря на то, что праздник будет сугубо для узкого круга, непременно туда прорваться.

«Слава тебе, Господи, что готовят маскарад. Придумаю какую—нибудь мистификацию и ряженым проберусь. Хоть минуту увижу ее, – и то счастье, а если удастся словом перемолвиться! А если не узнанным никем, кроме нее, танец протанцевать!» – от таких надежд у Федора счастливо замирало сердце.

Он решил дожидаться официального приглашения для кузин и разузнать детали, сколь будет возможно.

«А этот малохольный, что тут застыл?» – удивился было Алексей Григорьевич, заметив Федора, который был так поглощен сбором информации, что не относящихся к делу лиц, слов и действий напрочь не замечал, включая самого хозяина дома.

Догадаться было не трудно.

«Что ж, это нам на руку, при случае незаметно подмогу тебе, племянничек, пробраться к Меншикову, чем бы твоя затея ни кончилась, – все будет лить воду на мою мельницу, даже если вы просто раз другой переглянетесь с княжой Марией, тоже на пользу,» – решил князь Алексей и положил на ум не упустить из виду завтра Федора.

Когда прибыли нарочные приглашать княжон, в доме Алексея Григорьевича с визитом находилась и Наталья Борисовна Шереметева, дочь знаменитого петровского фельдмаршала. Они с братом были редкими гостями в Петербурге и скоро собирались обратно в Москву, поэтому и брат и сестра много навещали своих знакомых и родственников в Петербурге, стараясь никого не опустить. Наталья любила заглядывать к Долгоруким: дочери Григория Алексеевича были ее примерными ровесницами. В детстве они дружили, потом оказались в разных городах и долго не виделись, однако встретились, будто и не расставались. Когда Елена и Екатерина Долгорукие слышали, что они приглашаются с сопровождающими лицами, они тут же принялись уговаривать Наталью составить им компанию со своим братом. Наталья долго не отказывалась. Во время этой сцены Федор сам себе напоминал рыбу, выброшенную на берег. Его не спешили звать, а он с одной стороны надеялся, что кузины сами схватятся насчет него, с другой боялся упустить момент. Он безмолвно открывал и закрывал рот, и ему делалось все более душно, катастрофически не хватало воздуха. Не известно, чем бы кончились «рыбьи» судороги Федора, если бы не ввернул свое слово Алексей Григорьевич:

– Ну, а братца—то своего двоюродного, от чего не зовете?

Барышни мгновенно обернулись к Федору и так шумно, многословно и напористо стали его приглашать, что он никак не мог дождаться паузы, чтобы вставить свое согласие.

От кузин он вышел окрыленный и озабоченный. Завтра он увидит Марию! Но нужно придумать костюм, в котором его никто не узнает! Времени осталось меньше суток!

ГЛАВА XII

К утру следующего дня великая княжна Елизавета Петровна была полностью готова к придуманному ею торжеству. Совесть ее немного беспокоила, но и оправдания находились. Траур по матери далеко еще не подходил к концу, а она, родная дочь, сама предложила внуку (он—то хоть не родной) устроить маленький бал. Конечно, приглашены только самые близкие, практически семья, но кошки на душе Елизаветы скребли. Она прекрасно помнила, что после смерти отца ей такие мысли в голову не приходили, а сейчас, когда она осталась совсем одна, ей так требовалось общение, люди кругом, что она не могла совладать с собой и воспользовалась доброй вестью от сестры. Последнее время она совсем не могла находиться наедине с собой. При ней все время должен был кто—то быть: фрейлины, камер—фрау, подруги, задействовала она и своего нового камергера Бутурлина. На самом деле он «дежурил» реже, чем остальные ее придворные, а бросался в глаза Петруше – маленькому ревнивцу, потому что – мужчина. Отдыхая после приготовлений, Елизавета присела в кресла и стала снова перечитывать письмо от Мавры Шепелевой. В углу у двери расположился Бутурлин. Елизавете нравилось его умение присутствовать и в то же время совершенно не обременять своим присутствием. Если к нему обращались, он охотно, с готовностью и интересом поддерживал разговор, если о нем забывали, он, как казалось Елизавете, становился практически невидимым, растворялся в воздухе. Перечитав письмо несколько раз, Елизавета почувствовала желание поделиться новостями.

– Получила письмо из Киля, от Мавры Шепелевой, фрейлины моей сестрицы Анны Петровны, – произнесла Елизавета

Тут же «из неоткуда возник» Бутурлин и мягко поинтересовался:

– Что ж она пишет? Как поживает её высочество Анна Петровна, если позволите узнать?

– Пишет, что все здоровы. Балы у них там через день. В Гольштинии же траура нет. У Бассевича плясали до десяти часов утра. Пишет, Бишоф танцует очень дурно, а Август и того хуже. Мы сегодня тоже чуть—чуть потанцуем! У вас готов маскарадный костюм?

Бутурлин не успел ответить, потому что в комнату Елизаветы Петровны стремительно влетел император.

– Здравствуй, Лиза, ты, я смотрю, весела сегодня, – бодро заговорил он.

– Здравствуй, государь, как тебя отпустили в такой час?

Петр подошел и поцеловал тетушку.

– Ты забыла? Со вчерашнего дня Меншиков в моей власти... – полушутливо проговорил он, но тут заметил Бутурлина, смиренно и почтительно вытянувшегося и склонившего голову, и взорвался:

– Бутурлин и ты здесь! От чего ты никогда не занят делом, во всяком случае, я тебя за делом ни разу не видел?!

– Извольте поручить мне дело, Ваше величество, так я и буду занят, —спокойно и с достоинством, но без тени вызова ответил тот.

– Непременно, непременно. А теперь оставь нас, мне нужно поговорить с цесаревной.

Бутурлин с поклоном незамедлительно выполнил команду.

– Лиза, ты опять с ним! – укоризненно произнес царь.

– Петруша, ты опять за старое! – в тон ответила цесаревна.

– Да, за старое, Лиза, выходи за меня замуж, – напористо начал Петр.

– Петруша! – с нажимом проговорила Елизавета.

– Лиза, умоляю! Разве ты не хочешь быть царицей? Ведь вот теперь тебя кто—нибудь может обидеть, а тогда никто не посмеет..., – стал уговаривать император.

Елизавета поймала его на неловком слове:

– Не думала я, государь, что меня можно теперь обижать, я думала, ты никому меня в обиду не дашь.

– Ах, я не то сказал, я не знаю, что говорю! Я так опечален...

– Не печалься, государь, не кручинься, все будет, как нельзя, лучше. Только скажи мне, ты фейерверк велишь жечь до ужина или после? – старательно отводила она племянника от ненужного разговора.

– Как угодно... – нехотя переключался тот.

– Тогда, Петенька, давай, лучше после, – предложила великая княжна.

Но ее уловки не помогли, Петр вернулся к интересующей его теме:

– Лиза, ты не ответила мне.

– Разве, государь, а я думала, что ещё вчера ответила, – вымолвила она не без запинки, ей неприятно было причинять боль племяннику.

– Лиза... – было заговорил он снова.

Елизавета перебила:

– Петруша, пообещай мне выполнить одну мою просьбу, обещаешь?

– Ну, обещаю, – согласился он.

– Я хочу просить тебя..., – начала Елизавета и сделала нарочитую паузу.

– Что, Лиза? – не выдержал Петр.

– Хочу просить тебя, чтобы на бале ты пригласил меня на самый первый танец. Я хочу, чтобы бал открыли мы с тобой. Обещаешь? – выпалила она.

– Лиза, ты могла и не просить, я бы и так... – начал Петр, но был прерван появлением фрейлины.

– Извините, Ваше величество, позвольте доложить, – спросила та.

– Да, – недовольно дал разрешение Петр.

– Ваше высочество, к вам прибыла её высочество Обрученная невеста государя с сестрой, – оповестила фрейлина.

– Проси, проси, – распорядилась Елизавета, не глядя на Петра.

Петр был вне себя и бросал на Елизавету отчаянные, полные упрека взгляды.

Елизавета принялась оправдываться только, когда вышла фрейлина:

– Вашу невесту, государь, я не смею не принимать.

Петр только отмахнулся, потому что почти сразу слышались приближающиеся шаги, и вошли Мария и Александра Меншиковы. Увидев Петра, они сделали почтительный реверанс государю. Тот поклонился в ответ.

ГЛАВА XIII

Елизавета была рада появлению дочерей светлейшего, княжон Меншиковых. Если бы не они, ей бы не весть сколько приходилось выдерживать матримониальный натиск племянника.

– Ваше высочество, Ваша светлость, прошу, я счастлива вас видеть в добром здравии и расположении духа, – искренне произнесла она.

– Мы пришли отдать вам ваш вчерашний визит. Как здоровье, цесаревна? – церемонно ответила Мария.

– Здорова, здорова, благодарствуйте, прошу вас располагайтесь, княжны. Александра, я вижу, ты оживлена! Есть приятные новости? – по—прежнему легко и приветливо вела разговор Елизавета.

– Для меня – очень! – не стала таиться Александра.

– Секрет? – спросила цесаревна.

– Нет, впрочем, отец велел пока широко не разглашать. Вы помните принца Ангальт—Дессауского, что давеча гостил при дворе? – с удовольствием рассказывала княжна Саша.

– Разумеется, милый юноша, – подзадоривала Елизавета, догадавшись, к чему клонится речь.

– Так вот. Он сделал мне предложение через послов, и мой отец склонен согласиться, – наконец, договорила Александра.

– Тебе он нравится? – спросила Елизавета.

Александра призналась честно:

– Кажется, да.

– Тогда просите с Марией, чтоб отец ваш непременно дал свое согласие, что может быть лучше, если нравится, – с многоопытным видом заявила Лиза.

– Вот именно. Поздравляю вас, княжна, – вставил Петр, который перестал надеяться, что выдержка позволит ему переждать визит княжон. – Однако, мне пора. Извините, дела!

И Петр быстро раскланялся и вышел. Мария, которая и с самого начала не имела веселого вида, помрачнела пуще. Она была равнодушна к Петру и, наверное, любовь или даже выраженная симпатия к ней с его стороны беспокоила бы ее и огорчала. Она была глубоко убеждена, что они никогда не поженятся и совершенно не стремилась к браку. Но то подчеркнутое пренебрежение, даже отвращение к ней, которые царь демонстрировал явственнее и явственнее с каждым днем, а теперь и часом, задевало и пугало ее.

– Что сурова, государыня? – обратилась Елизавета к Марии, чтобы вовлечь ее в разговор.

– Радоваться нечему, – ответила та.

– Смотри, женихи хмурых невест не любят, – сказала Елизавета и сама собой осталась недовольна. Она прекрасно понимала состояние Марии. Знала, откуда оно происходит и зачем —то задевала государеву невесту, хотя она ничем не заслужила того.

– Верно говоришь, великая княжна, не любят. Кстати, о женихах. Батюшка велел узнать у тебя, что ты решила, – проговорила Мария столь ровным и равнодушным тоном, что казалось, что она находится в каком—то забытии.

– Насчет чего? – искренне не поняла Елизавета.

– Насчет предложения, – по—прежнему безразличным голосом продолжала Мария.

– Какого предложения? – начиная догадываться, но не желая подавать вида, удивлялась великая княжна.

– Лиза, нечто ты не помнишь? Батюшка передавал тебе предложение принца Прусского, – не выдержала более эмоциональная Александра Александровна.

– Какое еще предложение? – не сдавалась Елизавета.

– Да ты претворяешься, Лизонька! – догадалась Александра.

– И не думаю, – держалась своей линии цесаревна.

Марии надоели словопрения:

– Ах, Господи, принц прусский предлагал тебе руку и сердце, батюшка говорил тебе при мне, неужели ты запамятовала.

– Помню, только я всерьез не приняла, вот и не сообразила, о чем вы, – вывернулась Елизавета.

– Все совершенно серьезно, цесаревна, – держа за чистую монету происходящее, вставила Александра.

– Ну раз так, дорогие мои, передайте своему батюшке, светлейшему нашему князю Александру Даниловичу, что дело не подходящее, – решительно заявила Елизавета.

– Отчего? Все же принц Прусский..., – без интереса спросила Александра.

– Хотя бы от того, что прусский, не русский. На чужой стороне я с тоски угасну. Я знаю, дорогие мои, что иные люди желали бы спроводить меня отсюда подалее и поскорее. Да я—то уезжать не намерена. Так что, мои япочки, передайте своему батюшке, что благодарна я ему за заботу, но пусть не ищет мне больше женихов. Всё одно теперь замуж не выйду. Был у меня жених, да Бог взял, значит, не судьба, – отчеканила Елизавета.

Действительно, не так давно епископ Любский, по завещанию императрицы Екатерины назначенный в женихи Елизавете, и выписанный в Россию Меншиковым, на пути в Санкт—Петербург скончался. Елизавета, практически не знавшая суженого, отнеслась к его смерти спокойно, но получила способ отказывать ежедневно (стараниями светлейшего) возникающим искателям ее руки.

– Передадим, Лиза, а теперь нам пора, – ровным тоном начала прощаться Мария.

– Вечером увидимся, – радостно намекнула на ожидаемое вечером событие Александра.

И сестры начали делать прощальные реверансы.

– Идите, идите, княжны, любезные мои! Мария не унывай! Прощайте пока. До вечера, надеюсь, он у нас выдастся приятным, – проговаривала прощальные фразы Елизавета, тоже приседая.

Когда за княжнами Меншиковыми закрылась дверь, Елизавета опустилась в кресло и задумалась. «Неладно, неладно... И что людям не живется спокойно. Марию мучают, Петрушу мучают, меня мучают и ещё многих, многих, многих... и все светлейший, ему и своих—то собственных детей не жалко! Он нам всем обидчик, как ни крути. И что ему неймется? Вроде последнее время чуть потише стал? Хотя быть такого не может! А его тронешь, пострадает и семья. Петруша сердит на Марию, да и я напускаюсь, а ежели на нее чуть внимательнее посмотреть, разве не видно, что несладко ей, ох, как несладко. А могла бы жить, да радоваться, если бы оставили ее в покое, а—то вон, как над ней мудруют! Неладно, неладно» – размышляла княжна.

Ее раздумья перебила Наталья Алексеевна. Она тихо вошла и робко спросила:

– Можно к тебе, Лиза?

– Ещё спрашиваешь, милости прошу, Наташенька.

– Ушли? – уточнила Наталья.

– Ушли. А ты вроде осунулась, устала, поди, в хлопотах к балу. Посиди, – предложила Елизавета, которой и вправду Наташин вид сегодня не понравился.

– Плохо спала я, Лиза, кашель мешал, беспокойство томило, – пожаловалась та.

– Господи! О чем тебе—то тревожиться? Родная и любимая сестра государя! – воскликнула Елизавета и снова подумала: ” Вот уж, действительно, что людям не живется...»

– О том и тревожусь. Перед сном с нашим воспитателем, Андреем Ивановичем, поговорила, он тоже неспокоен.

– Ну его, этого Остермана, вечно скуку наведет, – буркнула тетушка.

Елизавета не любила Остермана, не доверяла ему, подозревала в неискренности, хитрости, интриганстве, двурушничестве, неблагодарности, жестокости, даже в подлости и во многом была права, но мало кто, кроме нее, видел Остермана столь ясно.

– Нет, Лиза, он – хороший, добрый, я ему верю, он искренне любит нас, – возражала ей племянница.

– Вас с Петей – возможно, только не меня, – отрезала Елизавета.

– А я светлейшему не верю, боюсь его... – продолжала Наташа.

– Ну, бояться—то нечего, – ободрила Лиза.

– Тиранит он брата. Навязал в невесты свою дочь... Петруша так этим мучается!.. Ответи бы Меншиковых! – мечтала государева сестра.

– С одной стороны, оно так, но не станет Меншиковых, появятся другие, а будет ли лучше? – умерила энтузиазм Натальи ее собеседница.

– Я уж об этом подумала. Боюсь, без Меншиковых подберутся к Пете Долгорукие, через Ивана, а они тоже надежды не вселяют. Да и сам Иван, я слыхала, беспутную жизнь ведет, даже пить начал, ты что—нибудь слышала?

– Ничего особенного, – не желая повторять многочисленные сплетни про Ивана, уклонилась Елизавета.

Наталья поняла, настаивать не стала и вдруг заговорила с отчаяньем:

– Что делать, что делать? Освободить бы Петю, хоть от невесты постылой! Для него я на все готова и Меншиковых низвергнуть, и Долгоруких отместить. Только бы не мучили его. Только бы жил он в покое и в радости. Никому его не дам в обиду. Но чувствую, не долго мне жить осталось.

– Что за мысли, Наташа, отчего? – недоумевала Елизавета.

Наталья отвечала непрямо:

– Андрей Иванович говорит, большие дела нужно делать осторожно и медленно. А мне нужно поскорее, боюсь не успеть.

– Да ты что, право, заладила, прекрати, – возмутилась Елизавета. (Она с детства привыкла слышать, что Наташа здоровьем некрепка, но та благополучно жила и даже нечасто болела, поэтому опаска за нее понемногу прошла.) – А с Меншиковыми мы разберемся, не горюй!

– Да, надежда есть. Петенька силу наберёт. Позавчера он ребенком был, а вчера стал императором. Теперь он Меншикову не поддастся, – подхватила тетушкин энтузиазм Наталья.

– Дай то Бог, дай то Бог, и довольно про скучные дела. Взбодрись и будь вечером повеселей. Петруша так хочет развлечься. Постарайся, ради него. Поди, приляг, отдохни немного и начинай собираться. Смотри, чтоб на бале всех милее была! – наставляла Елизавета.

– Спасибо тебе, Лиза, на добром слове, ты – хорошая, хотя иногда мне кажется...

Елизавета не стала дослушивать:

– Иногда тебе кажется, потому что ты маленькая, глупенькая и ревнуешь всех к брату понапрасну. Ступай, ступай...

– Прощай пока, – кланялась Наталья в дверях.

– С Богом, с Богом, – повторяла Елизавета, провожая племянницу.

Елизавете хотелось побыть одной. «А—то кто ни придет, всяк со своей хандрой. А мне самой несладко, но никому дела нет. Как после этого не станешь ценить Бутурлина: никогда не жалуется, не ноет, ничего не требует, всегда в спокойном, ровном настроении, а если видит, что меня подбодрить нужно, каждый раз найдется... Знаю, Меншиков мне его специально подсунил, чтоб Петруша ревновал и рассорился со мной, и все идет по его плану, как ни досадно, но Бутурлин тут не при чем, и мне он удобный и приятный компаньон... Однако, к сборам, – остановила свои размышления Лиза и позвала, чтобы помогли переодеваться.

ГЛАВА XIV

Коль скоро вечер у императора был замышлен как небольшой и семейный, то и собирались на него, просто, как домашние в гостиную. Петр и Иван были уже там, когда следом друг за другом появились Мария и Александра Меншиковы и великие княжны Елизавета и Наталья.

– Смотри—ка, Иван, у нас две Минервы, только одна – фальшивая, – отметил император со вчерашнего дня настроенный крайне раздражительно по отношению ко всем Меншиковым, да и сегодня княжны подлили масла в огонь, не вовремя появившись у Елизаветы.

– Ой и правда, глядите—ка, ваша невеста, государь, тоже оделась Миневрой, как Наталья Алексеевна, – подтянул в тон Петру Иван Долгорукий. – Прикажешь открывать вечер, ваше величество?

Петр кивнул. Иван дал сигнал, и зазвучал первый контрданс. Петр незамедлительно направился приглашать Елизавету, Иван – Наталью Алексеевну. Остальные последовали их примеру: Бутурлин ангажировал Екатерину Долгорукую, испанский посланник, герцог де Лириа – Марию Меншикову, Милезимо – Наталью Борисовну Шереметеву. Словом, все с готовностью и удовольствием включились в танец. В момент когда присутствовавшие перемещались наиболее беспорядочно и суетливо, в зал тенью скользнул некто завернутый чуть ли не с носом. Трудно было понять, кого он собою представляет, но было очевидно, что он исполнен намерением не быть узнанным никем. Более того, казалось, что к тому же он не хочет быть и замеченным, потому что бесшумно войдя, он, мягко ступая, проскользнул в самый дальний и темный угол гостиной и там замер у колонны, как бы стараясь слиться с ней. На первых порах ему это более чем удалось. Все танцевали, были заняты своими партнерами и беседами, и никто, действительно, никто не обратил на его появление ни малейшего внимания, даже бдительно отслеживающие происходящее родители, воспитатели и прочие заинтересованные лица, к танцу не присоединившиеся.

– Позвольте мне поблагодарить вас, государь, первым делом произнесла Елизавета, лишь Петр вывел ее к танцу на середину зала.

– За что, Лиза? – искренне не догадался тот.

– За то, что вспомнили и выполнили свое обещание, – пояснила она.

– Какое, Лиза? – не припомнил государь.

– Открыть праздник со мной, – растолковала, наконец, цесаревна.

– Я тебе сразу сказал, Лиза, что счастлив буду и другого не мыслю, – искренне говорил Петр.

– Мне лестно ваше внимание, государь, – держалась официального тона Елизавета.

– Что ты, Лиза, все государь, да государь! – подсадовал император.

– Ваша твердость с Меншиковым вчера мне так запечатлелась, что я иначе не смею ныне, – вела она свою линию.

– Будет, Лиза, зови меня по—прежнему Петрушей, – попросту попросил племянник.

– Как прикажешь, Петенька. А что, я гляжу, Наташа невесела? – перевела разговор на другую тему тетушка.

– Должно быть, как всегда, ревнует меня к тебе, Лиза.

– Не перестаю удивляться, ты так её любишь! – немного досадливо произнесла Елизавета Петровна.

– Люблю, но тебя много больше, и она чувствует. Я тебе очень, очень люблю, – страстным шепотом закончил он.

– Полно, Петруша, ты молод и не понимаешь, что такое любовь, – попыталась охладить его великая княжна.

– Зря ты, Лиза, меня коришь: молод, да молод. Не ребенок я, и понимаю, понимаю, отчего ты не хочешь быть моей женою.

– Отчего, по—твоему, государь?

– Ты любишь другого, и я подозреваю, кого.

– Ну говори, а сама я не знаю.

– Александра Борисовича Бутурлина. Сегодня я застал его у тебя. Ты была так ласкова, так счастлива.

– Оставь, никого я не люблю! – буркнула Елизавета.

– И то хорошо, – уныло подытожил Петр.

Они оба угрюмо замолкли. Она переживая, что у нее вылетела неудачная фраза, а он то, что услышал. Однако, когда танец подошел к концу они заметно оправились, и Петр спросил:

– Следующий танец со мной, Лиза?

– Как прикажешь, государь, – учтиво ответила та.

– Я не приказываю, а прошу, Лиза, – поправил император.

– С удовольствием, мой дорогой, – искренне проговорила великая княжна.

Елизавета любила танцевать с племянником. Он, несмотря на свой юный возраст, был заметно выше своей тетушки и уже приобрел статью, фигуры знал прекрасно и выполнял их с изяществом, при том всегда с нескрываемым и неподдельным восхищением следил за ее движениями, а она гордилась своим умением и ценила его признание.

В перерыве между танцами император лишь чуть отошел от своей партнерши, но к нему успела подбежать сестра:

– Извини меня, Петруша, на два слова.

– Слушаю тебя, Наташенька, – предельно ласково проговорил Петр.

– Меня отзывал Андрей Иванович и рассказал, что Меншиков выговорил ему за то, что ты – его воспитанник, не соблюдаешь приличий, не проявляешь достаточно внимания своей невесте.

– Что Андрей Иванович ему ответил?

– Сказал, что ты был много занят приготовлениями к вечернему празднику, поэтому сегодня рассеян, и обещал доложить тебе о твоём поведении, да вот меня попросил.

– Разве не довольно Меншикову, что я держу невесту в сердце, внешние знаки излишни. А что касается до женитьбы, я уже говорил, что не намерен жениться ранее двадцати пяти лет. Поди, и пусть Остерман передаст мои слова Меншикову, – договорил скороговоркой император и заспешил к Елизавете, так как зазвучал следующий танец.

Все направились приглашать партнерш. Лишь закутанный с головой странник остался стоять вжавшись в колону. С первыми звуками он было качнулся, чтобы направиться к кому —то, но, видно, опоздал потому что тут же принял прежнее положение.

Иван пригласил Марию Меншикову. Милезимо – Екатерину Долгорукую. Музыка стала громче и энергичнее танец захватывал новые и новые пары. Герцог де Лириа и Наталья Алексеевна присоединились позже всех.

– Ах, Ваше Высочество, великолепно ваша Россия, не медля завел беседу посланник. – Но наша Испания! Я говорю так, не потому что я – испанский посланник. Испания – воистину волшебная страна!

– Разумеется, герцог, разумеется, – поддерживала разговор сестра императора.

– Вам непременно надо побывать в Испании. По секрету должен вам сказать, наш инфант, Дон Карлос, чрезвычайно заинтересован вами заочно. Я писал ему о вас, – не откладывая дела в долгий ящик, продолжал работать де Лириа.

– Неужели? – нескрывая удивилась Наталья Алексеевна.

– По чести вынужден признаться, что послал ему ваш портрет. И в последнем письме он пишет, что в восторге и восхищении...

– Как же так...

– О, вполне естественно. Ведь вы – небесное создание, и все от вас – без ума!

– Вы сильно преувеличиваете, герцог.

– Ничуть! А наш дон Карлос, такой впечатлительный, такой нежный и в то же время столь порывист и горяч, что я просто не знаю, что может случиться, если вы оставите его без надежды, – ковал железо пока горячо дипломат.

– Но я ... – залепетала было великая княжна. Герцог ее перебил, как бы подхватывая ее мысль:

– Да—да, вы даже не видели его. Вот его портрет.

Быстрым, неуловимым движением он вложил что—то в руку вконец растерявшейся Натальи.

– Зачем... – силилась воспротивиться она.

Но у опытного и ловкого посланника все было рассчитано до секунды. Танец закончился. Партнеры начали раскланиваться. Герцог же, не давая Наталии возможности возразить или вернуть портрет, вел свою партию:

– Я так благодарен вам за танец, Ваше Высочество. Вы танцуете божественно.

С тем он подвел ее поближе у обществу, в частности, к Петру, чтобы она оставила попытки вернуть ему портрет, еще раз раскланялся и отошел.

ГЛАВА XV

На несколько минут Наталья замерла в смятении. Во время танца ее потрясло многое. Во —первых, что о ней кто—то, кроме брата и воспитателей, думает и думает серьезно и много. Во—вторых, что, более того, ею интересуются. Она, разумеется, сделала скидки на то, что де Лириа – дипломат, и его слова нельзя принимать впрямую и буквально, и все же... В—третьих, до последнего времени ей даже не приходила мысль в голову, что у нее может быть муж, своя семья, дети. Мир для нее сходил на одном брате, и вдруг... Последнее, пожалуй, потрясло ее больше всего: и радостно волновало и пугало, и приводило в растерянность и в недоумение, и льстило и задевало, а сверх того, она никак не могла понять, правильно ли, достойно ли она вела себя во время разговора, хорошо ли, что взяла, точнее, что у нее в руке осталась миниатюра. Портрет почему—то жег Наталье ладонь, или ей так казалось. Нестерпимо хотелось на него взглянуть, но великая княжна не решалась.

«От чего я так растревожилась, разволновалась, от чего удивилась, – урезонивала сама себя Наталья Алексеевна. – Конечно, мне едва тринадцать, какие женихи, но если взглянуть вокруг: Марию уже дважды обручали, а постарше—то она меня только года на два, на три. Елизавете чуть ни каждый Божий день женихов сватают, а она, даром, что тетушка, а по возрасту скорее в сестры годится, моей ровеснице Саше Меншиковой, слышно, какого—то немецкого принца подыскивали... Нет, надо скорее с Петрушей переговорить, а—то не успокоюсь.» – решила Наталья и двинулась к брату.

– Петруша, друг мой, ... – только и успела произнести она.

– Ах, Господи, иду, иду приглашать твою Марию! – перебив, ответил тот и направился к Меншиковой, решив, что сестра напоминает о просьбе Остермана протанцевать с невестой.

– Я не о том ... – попыталась было договорить Наталья, но бесполезно, тогда, махнув рукой, она отошла в сторону в надежде украдкой взглянуть на портрет.

Снова заиграла музыка и началось приглашение на следующий танец. К Ивану, который нацелил на кого—то свой глаз, стремительно подлетела его младшая сестра, Елена.

– Иван, батюшка гневается, что ты не выполняешь его просьбы, – протарахтела она.

– Какой? – недовольно буркнул Иван.

– Чтобы Государь пригласил Катеньку.

– И на балу от него покоя нет, – посетовал Иван и заспешил к Елизавете.

Елене, видимо, были даны жесткие указания, потому что она не отставала:

– Что прикажешь передать батюшке?

– Скажи, что постараюсь, – буркнул брат и ускорился.

Пригласив свою невесту, Петр танцевал с ней молча, внутренне сильнее и сильнее раздражаясь, что вынужден терять с ней золотое время, которое мог бы провести с Лизой. Наконец, его недовольство выплеснулось:

– Зачем вы выбрали этот костюм? Ужели вы не знали, что у нас было решено моей сестре быть Минервой?

– Не знала, государь, – кротко прозвучал ее ответ.

Но Петру было не остановиться:

– Стало быть вы решили, что вам такой костюм пойдет?

– Мне было безразлично, – сказала она, и Петр почувствовал, что она искрення, но накопившаяся досада выплескивалась сама собой:

– Напрасно. Вы в старухи не записались. Вам нужно быть прекрасной, хоть и наперекор создателю.

Мария была горько обижена, но отвечала просто:

– Зачем вы колете меня, государь?

Петр смутился, он с самого начала понимал, что ведет себя некрасиво, но мало постарался, чтобы сдержаться. Ему стало стыдно.

– Я не хотел, простите, – только и вымолвил он.

Дальше слова не шли с его языка. Мария не пыталась ни упрекнуть его, ни загладить впечатление, казалось, что она вообще где—то отсутствует. Так в полном молчании они и закончили танец.

Остальные танцевавшие, наоборот, оживленно общались.

Секретарь австрийского посольства юный граф Милезимо который раз приступал с расспросами к своей партнерше и возлюбленной Екатерине Долгорукой, она была сегодня такая странная, закрытая, застывшая, углубившаяся в себя:

– Катюша, милая, что с тобой? Ты сегодня сама на себя не похожа... тревожишься будто, нервничаешь...

Она целый вечер уклонялась от его вопросительных взглядов и фраз, но вдруг ее провало:

– Я сейчас тебе скажу ужасную вещь.

– Не пугай меня, Катя.

– Меня родители прочат за царя..., вернее, отец, матушка ни при чем..., я случайно слышала их беседу...

– Шутишь? У него есть невеста, – не поверил граф.

– Считаю, уже нет. Их дела совсем плохи.

Милезимо на мгновение задумался, потом облегченно высказал пришедшее ему соображение:

– Не обижайся, Катя, но, как я замечаю, государь равнодушен к тебе.

– Отец так решил и всё устроит, я его знаю. Думай, что делать!

– Но что я могу? – растеряннo вымолвил тот.

– Мужчина и спрашиваешь! Увези меня! – как—то отчаянно вырвалось у нее.

Они оба смолкли. Екатерина действительно подслушала беседу родителей, когда Алексей Долгорукий рассказал о своих планах относительно старшей дочери своей жене. В первый момент ее глубоко потрясли, как слова отца, так и рассуждения матери. Ее больно задела их оценка ее отношений с Милезимо и соображения матушки, почему она привязалась к нему. Ей захотелось доказать им, что они не правы, и самой в это верить, и вроде бы искренне верилось, но в глубине души, совсем, совсем на дне у нее копошилось ощущение крайне, исключительно неприятное, едкое и ядовитое. Всеми силами она старалась задавить его, отвлечься, не слушать, не чувствовать, однако, нет—нет, да в мыслях ворохнется: «А матушка—то права, она меня лучше меня самой, видать, знает...» И снова княжна Екатерина переубеждала себя и снова пыталась запереть накрепко тот уголок сознания, где пробежали подобные мысли. И сейчас все оставшееся время танца она долбила себе: «Нет, нет, нет, никогда, нет, нет, нет, ни на кого, нет, нет, нет ни за что..! – и так без конца.

– Вечер начался роскошно. Что не весел, государь? – спросил Иван, подойдя к Петру в короткий перерыв между танцами.

– С невестой танцевал...

– Бросил бы ты её совсем! Почто себя тиранить? – брякнул камергер, впрочем отнюдь неспроста.

Петр не обратил внимания на его последнюю фразу, потому что его мысли были заняты Елизаветой, о чем он и хотел сказать:

– Елизавета Петровна...

Иван бесцеремонно перебил:

– Чудо красавица! Блеск! Пойду снова приглашу. А вам государь—император негоже мрачно глядеть. Чего доброго всё веселье рухнет. Пригласили бы хоть сестру мою Катюшу. Ишь, как на вас зыркает, небось влюблена. Осчастливьте.

– И то... – нехотя согласился Петр, понимая, что не может себе позволить вечер напролет танцевать с Елизаветой.

Приблизившись к княжне Долгорукой, Петр удивленно отметил, что секретарь австрийского посольства вдруг ни с того ни с сего как—то странно дернулся, схватился за голову и выбежал из зала. Однако, его не долго занимало это наблюдение. Он знал, что, если Милезимо потребует помощь, его без внимания не оставят, а так «вольно ему» – между делом заключил император.

ГЛАВА XVI

Заметив, что к сестре никто не спешит с приглашением, да и подле себя никого не обнаружив, Александра Александровна приблизилась к Марии: страшно хотелось узнать, как прошел ее танец с женихом.

– Что говорил с тобой государь? – без прелюдий спросила Александра.

– Назвал меня уродом, – ответила Мария.

Александра была ошарашена:

– Полно, возможно ли?

– Не этими словами, но смысл был такой, – равнодушно подтвердила та.

– Боюсь я что—то! Ты погляди, на нас никто внимания не обращает. Давно ли проходу не давали.

– Не ладно. Так не ладно! И ждёт нас только гибель! С каждым днём очевиднее, а батюшка не желает замечать, куда и разум его девался. Ему надо властвовать, а обо мне он и не помыслил. Чаёт на его век хватит! А коли – нет? А как все мы пропадем!!! Полагает император мал, не знает своей силы, а император начинает чувствовать силу—то свою.

– Что нам—то делать? Пойти разве с Наташей переговорить? Она, правда, тоже на меня не смотрит, но ведь подруги мы с ней. А ты, Маша, пойдёшь к матушке, скажи ей, да успокойся, на тебе лица нет.

Мария была огорчена словами императора, досадовала на батюшку, но больше всего ее приводило в уныние, что ее надежды на сегодняшний вечер не оправдались. Она в тайне мечтала, что Федор найдет способ и возможность появиться, но – нет, его не было, и мир померк окончательно для Марии. Когда, где теперь можно надеяться увидеть его. Машинально послушавшись сестру, Мария побрела в сторону, к матери, как вдруг отделившись от одной из колон на нее двинулся странный пилигрим.

«Кто так закутался – и не узнать, “ – мелькнуло между прочим в голове у Марии.

Она даже не предположила, что этот человек направляется к ней и хотела было с легким поклоном обойти его, но он уверенно остановился напротив, преграждая дорогу, и склонился в приглашении на танец. Марии совершенно не хотелось танцевать, но отказывать было хлопотливее: подбирать слова, показать, что не узнала, дальше пустые ахи насчет удачного костюма, куда проще было молча принять приглашение и оттанцевать, что Мария и сделала. Оставаясь погруженной в свои мысли, Мария проследовала со своим кавалером к центру зала и встала в фигуру. Только тогда она подняла на него глаза. Боже! Боже! Боже! Перед ней стоял Федор Долгорукий. Мария вся засветилась, глаза ее залучились, губы изогнулись в сияющей улыбке, стан сам собой выпрямился, ноги охотно и непроизвольно принялись выделять танцевальные па. Хорошо, что Федор сразу предупредительно приложил палец к губам, а то бы она, наверное, завизжала от радости, такой нечаянной и такой нестерпимой. По привычке они не говорили, а лишь молча смотрели друг другу в глаза. А еще они танцевали, впервые танцевали друг с другом...

Петр, пригласивший Екатерину Долгорукую не слишком интересовался своей партнершей, а больше скользил взором по залу, отслеживая Елизавету. Неожиданно его взгляд остановился на невесте. Петр долго не мог понять, почему он смотрит на нее, и не может оторваться. Она вдруг показалась ему исключительно красивой, просто прекрасной, чуть ни как Елизавета. Он полюбовался ей довольно долго и даже совсем потерял из виду Лизу, потом, наконец, отвел взгляд и подумал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.